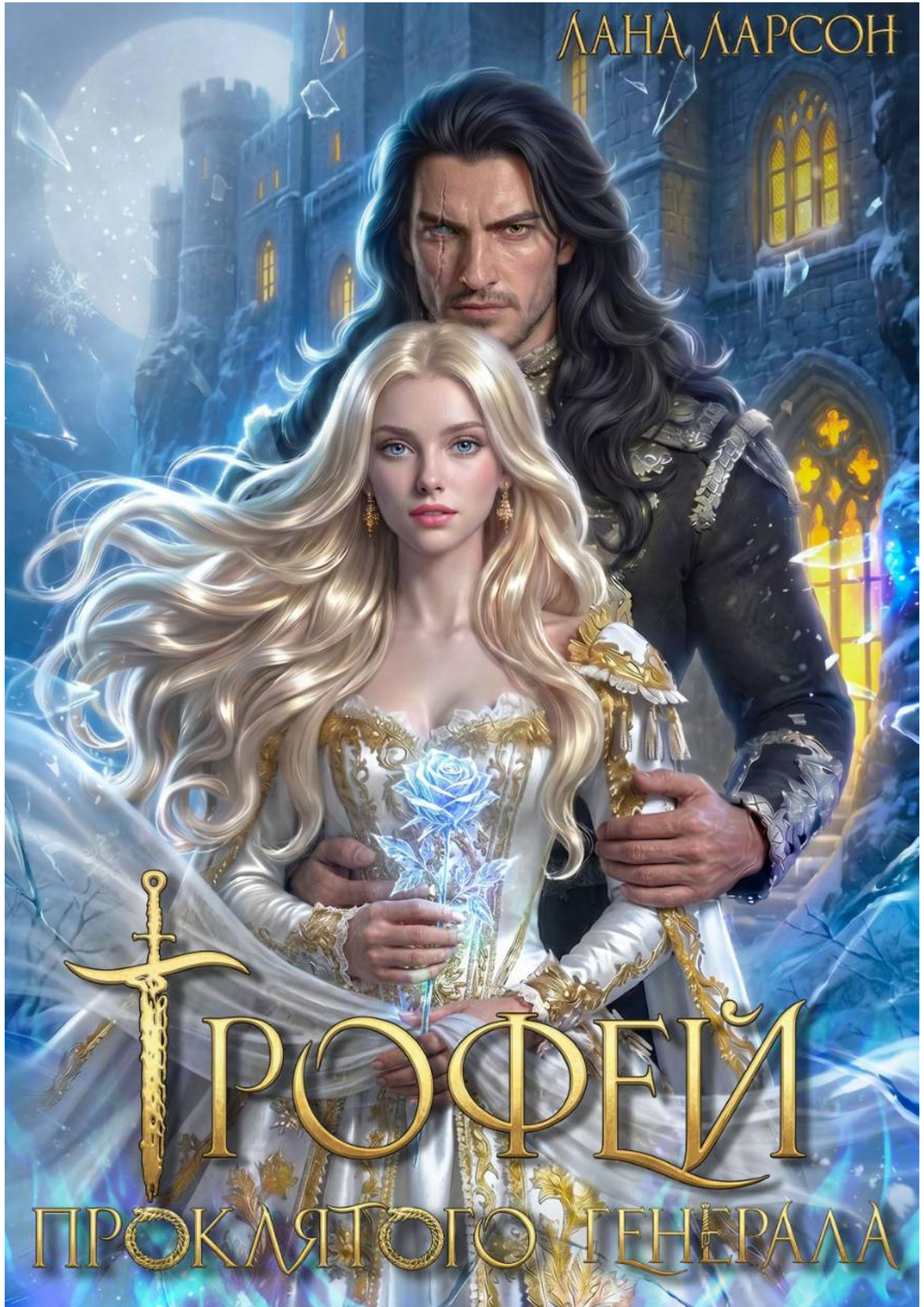

ЛАНА ЛАРСОН

ПРОФЕИ
ПРОКЛЯТОГО ГЕНЕРАЛА

Лана Ларсон

Трофей проклятого генерала

«Автор»

2026

Ларсон Л.

Трофей проклятого генерала / Л. Ларсон — «Автор», 2026

Его называли монстром, и я верила. Когда генерал Магнар драКарион забрал меня со свадьбы, я готовилась к самому худшему, ведь я дочь предателей и его заклятых врагов. Я ждала, что он обрушит на меня всю ярость за то, что они сделали, но ошиблась. Оказалось, что за шрамами скрывался человек, чья боль была глубже моей собственной. Я стала его лекарством и его проклятием. Моя магия по капле стирает следы былой войны с его тела, лишая меня сил, но даря ему шанс на жизнь. Как не влюбиться в своего палача, если за его жестокостью прячется благородство? Я должна бояться его близости, но в его объятиях я впервые чувствую себя в безопасности.

© Ларсон Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лана Ларсон

Трофей проклятого генерала

Глава 1

Я смотрела на свое отражение в огромном зеркале и с трудом узнавала в этой фарфоровой кукле себя. Несмотря на радостное событие, в глазах застыл страх, который не могла скрыть даже искусная работа дворцовых мастеров. Все происходящее до сих пор представлялось чем-то нереальным. Сном. Казалось, наступит утро, и он развеется, оставив после себя лишь горькое послевкусие.

Вокруг меня хлопотали служанки, порхали над подолом пышного платья, поправляли кружева, затягивали шнуровку, украшали прическу шпильками, идеально подходящими к золотым волосам. Но в каждом движении, в каждом мимолетном взгляде сквозил холод. Они безукоризненно выполняли свою работу, но на лицах читалось недоумение, смешанное с брезгливостью: почему? Почему король проявил такую неслыханную щедрость к дочери предателей?

— Госпожа, повернитесь, — сухо бросила одна из женщин, одергивая складку на юбке. Я послушно повернулась.

Платье было невероятным. Королевский подарок, насмешливо роскошный для сироты, чье детство прошло в самом мрачном приюте страны. Тончайшее белоснежное кружево, сплетенное мастерицами южных провинций, облегало мою стройную фигуру, расходясь книзу пышными воланами. Лиф был расшит тысячами мелких жемчужин и серебряных нитей, создававших уникальный цветочный узор, тянущийся к плечам. Это наряд для принцессы, для любимой дочери герцога, но никак не для дочери убийц, чья темная магия едва не погубила правящую династию.

— Ослабь немного в талии, ей дышать нечем будет, когда к алтарю пойдет, — раздался властный голос со стороны кушетки.

Там, утопая в бархатных подушках, сидела Руана. Старшая сестра выглядела, как всегда, безупречно, даже несмотря на внушительный живот, который уже отчетливо выступал под дорогой тканью ее темно-синего платья.

Служанка недовольно поджала губы, но подчинилась и чуть ослабила корсет. Я судорожно вдохнула, чувствуя, как воздух наконец наполнил легкие.

Король решил устроить спектакль – грандиозный, помпезный театр милосердия. Свадьба дочери казненных мятежников и лорда Фарриса Уорлика должна была состояться не в главном храме, как и положено, а здесь, во дворце, в присутствии самого короля и тысячи гостей. Весь свет соберется в тронном зале, чтобы восхититься великодушием монарха, который не только простил детей своих врагов, но и одарил их. Но я не ощущала ни капли радости. Я чувствовала себя жертвенным агнцем, которого украсили лентами перед закланием.

На мою голову водрузили фату. Она была легкой, как утренний туман, длинной вуалью спадая до самого пола и закрывая лицо полупрозрачной дымкой. Мир через нее казался размытым и еще более нереальным.

— Все свободны, — Руана махнула рукой в сторону выхода. — Оставьте нас.

Служанки сделали книксен и, шурша юбками, поспешили удалиться, явно радуясь возможности покинуть комнату. Как только массивная дубовая дверь закрылась, Руана тяжело поднялась и, придерживая поясницу, подошла ко мне. Она была всего на шесть лет старше меня, но в ее глазах светилась наглость, которая помогла ей выжить.

Она критически осмотрела меня с ног до головы, цокнув языком.

— Ну и чего такая постная мина? — фыркнула она, поправляя локон, выбившийся из моей прически. — Тебе, между прочим, повезло, сказочно повезло, Илина.

Я подняла на нее глаза:

— Повезло? Меня выдают замуж по указу, как вещь. Я даже не знаю своего будущего мужа, Руана.

— Ты видела его портрет. Лорд Фаррис Уорлик, — Руана произнесла имя с расстановкой. — Двадцать восемь лет, не урод, не старик, при деньгах и положении. Ты хоть понимаешь, какой тебе выпал шанс? Посмотри на меня.

Руана горько усмехнулась, положив руку на свой живот.

— Меня выдали за старика, который годится мне в деды. У него подагра и дыхание пахнет кислым молоком. Но он богат, и у меня есть крыша над головой. А тебе достался молодой симпатичный мужчина. Грех жаловаться.

— Но я не люблю его, — тихо возразила я, — и я не хотела этого брака. Сомневаюсь, что и он действительно хочет жениться на мне.

— Любовь? — Руана рассмеялась, но смех вышел злым, лающим. — О какой любви ты говоришь, сестричка? Мы дети предателей. Мы должны были сгнить в том приюте или на каторге. Ты помнишь, как нас били? Помнишь холод? Голод? Старших по общежитию?

Я вздрогнула. Память услужливо подкинула картинки серых стен, злых взглядов и ощущение ледяной воды, которую применяли для одного из видов наказания. Мы не жили в том приюте, а выживали. Да, нас обучали, как и всех остальных, среди нас были дети и других предателей, но нас выделяли особо. И на то была причина... А потом, когда Руана выпустилась, мне доставалось за двоих.

Даже сейчас эта свадьба, платье и торжество не искренний подарок, а плата за грехи родителей, очередная форма контроля. Нам дали лишь мнимую свободу.

— Помню.

— И никогда не забудешь. Зато теперь ты стоишь в платье, которое стоит дороже, чем весь тот приют целиком, — жестко сказала Руана. — Ты была совсем ребенком, когда туда поступила. И это сыграло определенную роль, пусть тебе было сложно, но у тебя была крыша над головой и бесплатная еда. А я? Я была уже взрослой. У меня не было выбора.

— Выбор есть всегда, — осторожно заметила я, отводя взгляд.

Глаза Руаны вспыхнули.

— Не смей меня судить! — прошипела она, подходя вплотную. — Ты думаешь, мне нравилось то, что я делала? Думаешь, я мечтала лечь под них всех? Выйти за старика? Если бы ты была старше тогда, ты бы пошла по тому же пути. Иначе бы сдохла в канаве за приютским корпусом.

— Нет, — я покачала головой, чувствуя, как внутри просыпается то самое упрямство, которое не давало мне сломаться все эти годы. — Я бы лучше пошла мыть полы. Я бы стирала белье до крови на руках, работала на кухне, но я бы не...

Я осеклась, увидев, как исказилось лицо сестры. Руана отвернулась, тяжело дыша и опустив плечи.

— Гордая ты, Илина, чистая, — глухо сказала она, глядя в окно на дворцовый сад. — Может, и правда не пошла бы, как я. Не стала бы так опускаться и портить свое будущее. Но так или иначе мне повезло: муж меня не любит, но относится ко мне вполне хорошо. У меня есть шелка, вкусная еда и слуги. Я в безопасности. Нам дали шанс на безбедную, счастливую жизнь.

— Это всего лишь подачка, — поправила я. — Нам никогда не простят прошлого, никогда его не забудут и всегда будут припоминать при удобном случае.

И мы обе это прекрасно понимали. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем напольных часов.

— Будь они прокляты, — вдруг зло выдохнула Руана, — отец и мать. Если бы не их безумные амбиции, если бы не эта проклятая темная магия... мы бы сейчас жили иначе. В сто раз лучше! Мы были бы настоящими леди, а не милостиво прощенными сиротами.

Я промолчала, знала эту боль. Десять лет назад наши родители использовали запретное колдовство против драконов. Не только они, у родителей было достаточно много сообщников, тех, кому претила власть пришлых, существ, которые много столетий назад завоевали наши земли и подчинили наш народ.

Я не знала всех подробностей, но точно знала, что этот заговор готовился очень долго и отец был главным. Драконы одержали победу, но многие погибли. И именно из-за отца брат короля стал калекой. Говорили, что его тело – сплошная карта шрамов, что он не видит одним глазом, а нога его навсегда осталась несгибаемой. Я никогда его не видела, лишь слышала шаги, от которых душа уходила в пятки. И, надеюсь, никогда не увижу. Смотреть в глаза тому, кто по вине отца стал калекой, выше моих сил.

Родители заплатили за это головами, а дети – годами унижений.

— Мы никогда не узнаем, как могло бы быть, — тихо ответила я.

— Зато мы знаем, как есть, — огрызнулась сестра. — Посмотри на нас! Не такую судьбу нам желали родители. И уж точно не об этом мечтали мы.

Руана вдруг резко повернулась, шагнула ко мне и взяла мои холодные ладони в свои.

— Послушай меня, — тихо проговорила она. — Плевать на короля, плевать на их попку. Будь счастлива, слышишь? Несмотря ни на что. Этот Фаррис... Попробуй с ним поладить. Вдруг он неплохой человек? Не повторяй моих ошибок, не ожесточайся.

— Я постараюсь, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает ком.

Руана была моим самым близким и родным человеком. Она всегда была на моей стороне, что бы ни происходило. Как и я на ее.

— Я люблю тебя, глупышка, — Руана порывисто обняла меня, стараясь не помять кружево. — Как жаль, что от родителей не осталось никакой памяти. Помнишь тот кулон, что папа подарил маме много лет назад? Сапфировая капля в серебре? Мама всегда говорила, что наденет его на шею дочери в день свадьбы. Он бы так подошел к твоим глазам...

Я уткнулась носом в плечо сестры, вдыхая знакомый аромат ее духов, таких же, как у мамы: клубника, жасмин и роза. Это было единственное родное, что у меня осталось перед шагом в неизвестность.

В дверь коротко требовательно постучали. И, не дожидаясь ответа, вошла старшая служанка.

— Его Величество и жених ждут, — сухо сказала она, даже не посмотрев в мою сторону.

Сердце пропустило удар. Я отстранилась от сестры и поправила платье. Руана быстро смахнула невидимую слезинку и ободряюще сжала мою руку.

— Иди. И держи спину прямо. Ты все-таки дочь аристократов, пусть и опальных.

Я глубоко вздохнула, собирая волю в кулак, поцеловала сестру в щеку, поправила фату и шагнула к дверям, навстречу своей судьбе, которую выбрал для меня король, но не я сама.

Вышла в коридор. Спину тут же обожгло холодом, словно сквозняком, хотя окна дворца были плотно закрыты. За моей спиной, чеканя шаг, шли два гвардейца в парадной форме. Это не походило на почетный эскорт невесты. Это больше напоминало конвой, ведущий преступницу на эшафот. Старшая служанка семенила чуть впереди, указывая путь, хотя я и так знала, куда идти. В тронный зал. В пасть к дракону.

Коридор давил. Высокие сводчатые потолки, украшенные фресками с изображением великих битв прошлого, нависали надо мной, а вдоль стен, словно живой коридор, выстроились те, кто не попал в основной список приглашенных в зал, но жаждал зрелищ, – придворные, мелкие лорды, фрейлины.

Шорох шелков и бархата смешивался с тихим гулом голосов. Я шла, глядя прямо перед собой, но боковым зрением ловила их взгляды. В них не было радости за невесту. В них горело любопытство, злорадство и презрение.

— Смотрите, как голову держит...

— Дочь убийц...

— Говорят, Уорлику обещали земли на юге за этот брак...

— Фарфоровая кукла. Разобьется в первую же ночь...

Шепотки жалили, как осиный рой. Мне хотелось закрыть уши, сжаться в комок, стать невидимой, но я лишь сильнее стиснула юбку дрожащими пальцами. «Держи спину прямо», — звучал в голове голос Руаны. Я дочь герцога, пусть опального, пусть казненного, но я не позволю им увидеть мой страх.

Мы прошли мимо огромных панорамных окон. Внизу, на подъездной аллее, было слишком пестро от карет. Экипажи с гербами знатнейших родов королевства продолжали прибывать, высаживая дам в мехах и кавалеров в мундирах. Казалось, вся столица собралась здесь, чтобы посмотреть на этот фарс, на «милость» короля.

Перед массивными двустворчатыми дверями тронного зала процессия остановилась. Служанка что-то быстро зашептала главному лакею, тот кивнул и исчез за дверью. А ко мне тут же подскочила другая девушка, молоденькая, с испуганными глазами, и сунула в руки букет.

Лилии. Белоснежные королевские лилии с тяжелым, дурманящим ароматом. Я горько усмехнулась, глядя на нежные лепестки – символ чистоты и... преданности короне. Именно эти цветы возлагают к подножию трона в дни великих праздников. И именно их приносят на могилы героев. Интересно, в качестве кого я сейчас войду туда? Как символ преданности или как жертва?

Меня начало ощутимо потряхивать. Холод пробрался под кожу, сковал сердце ледяным панцирем.

— Готовы, леди Илина? — равнодушно спросил распорядитель церемонии.

Я не ответила, лишь судорожно выдохнула.

Грянул оркестр. Музыка была торжественной, громкой, подавляющей. Двери распахнулись, открывая передо мной зев огромного зала. Света было слишком много. Тысячи свечей в хрустальных люстрах, магические светляки под потолком – все это слепило, заставляло щуриться. Зал битком набит людьми. Ряды стульев, обитых алым бархатом, тянулись бесконечно, и на каждом сидел зритель. Сотни глаз мгновенно устремились на меня. Разговоры стихли, сменившись напряженным ожиданием.

Передо мной лежал длинный проход, усыпанный лепестками белых роз, – дорога в мою новую жизнь. Я сделала первый шаг. Ноги казались ватными, непослушными. Где-то там, в глубине зала, должна сидеть Руана. Я отчаянно хотела отыскать ее взглядом, почувствовать хоть одну родную душу в этом море враждебности, но не смела крутить головой.

По правилам, невесту к алтарю должен вести отец или старший брат. Но отца давно нет в живых, его кости гниют в безымянной могиле для преступников. А Сигар... Мой брат погиб в темнице, куда его бросили после восстания, больше у нас никого нет. Все родственники, которые еще остались, отвернулись от нас. Король ясно дал понять: я здесь одна, совершенно одна.

Музыка постепенно стихала. Я шла и слышала, как шлейф платья шуршит по мрамору, словно шепот призраков прошлого, словно тень несбывшихся надежд.

Впереди, на возвышении, стоял трон. А перед ним сооружен временный алтарь. Там ждали трое.

Священник в золотых одеждах, с бесстрастным лицом, похожим на маску.

Мой жених лорд Фаррис Уорлик. Я впервые рассмотрела его так близко. Он красив, этого не отнять. Высокий, статный, с аккуратной темной бородкой и правильными чертами лица. Но

в его взгляде, устремленном на меня, не было ни капли тепла. Я видела лишь самодовольную усмешку и снисхождение. Так смотрят на породистую лошадь, которую удалось купить за полцены на ярмарке. Он знал, что я никуда не денусь. Знал, что я – трофей.

И, наконец, третий – король. Его Величество Саргон II сидел на троне в расслабленной позе, но от него исходила волна подавляющей власти. Я не знала, сколько ему на самом деле лет, драконы живут очень долго, а правил Саргон уже второе десятилетие, но он до сих пор был молод, привлекателен своей хищной, опасной красотой и до сих пор не женат.

Когда я подошла ближе, то почувствовала на себе его взгляд, тяжелый, внимательный. Король скользил глазами по моей фигуре, по кружевам на груди, по талии, затянутой в корсет. Это не был взгляд правителя, смотрящего на подданную. Это был взгляд мужчины, оценивающий, собственнический, с тенью темного интереса. Щеки вспыхнули румянцем, и я поспешно опустила глаза, чувствуя себя голой под этим взглядом.

Я встала рядом с Фаррисом. Жених даже не подал мне руки, лишь чуть кивнул, продолжая улыбаться уголками губ.

Король медленно поднялся с трона. Зал замер, боясь пропустить хоть слово.

— Сегодня особенный день, — голос Саргона, усиленный магией, разнесся под сводами, гулкой и властной. — Сегодня мы не просто соединяем две судьбы и закрываем старую рану нашего королевства.

Он сделал театральную паузу, обводя взглядом притихшую толпу.

— Дети не должны нести ответ за безумие отцов. Мы в своей безграничной милости даруем леди Илине из рода Вермари прощение и свободу от груза прошлого. Этот союз с верным лордом Уорликом станет залогом мира и доказательством того, что милосердие короны безгранично для тех, кто готов служить ей верой и правдой.

«Ложь, — билось в моей голове. — Каждое слово – красивая, позолоченная ложь».

Король сел и небрежно махнул рукой, давая знак начинать. Священник шагнул вперед, воздев руки над золотой чашей, стоящей на алтаре. Жидкость внутри нее забурлила, меняя цвет с прозрачного на алый.

— Перед лицом богов, драконов и Его Величества, славного короля Саргона II, приступим к священному обряду соединения, — торжественно произнес он. — Да свяжет магия эти две души...

Воздух вокруг алтаря загустел. Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота от концентрации чужой силы. Фаррис выглядел довольным, он уже протянул руку, чтобы принять ритуальный кинжал для скрепления клятвы кровью. Я зажмурилась, готовясь к неизбежному.

И вдруг... тук.

Звук был негромким, но странным образом он прорезал торжественную тишину, словно удар молота по стеклу: ш-ш-шурх. Звук шагов, тяжелых, неровных: тук, пауза, ш-ш-шурх.

Священник запнулся на полуслове. Улыбка сползла с лица Фарриса, сменившись недоумением. В зале, где секунду назад царил благоговейная тишина, начали подниматься испуганные шепотки. Кто посмел прервать королевскую церемонию?

Шаги приближались. Они слышались из коридора, по которому я только что прошла. Громкие, отчетливые удары трости и тяжелое шарканье ноги, которую невозможно согнуть.

Тук.

У меня внутри все похолодело. Кровь отхлынула от лица. Я знала, кто так ходит. Весь дворец знал. Весь город знал эти шаги, от звука которых люди разбегались в ужасе.

Король на троне выпрямился, его лицо окаменело, а в глазах сверкнула ярость.

Огромные двери зала, которые только что закрыли за мной, вдруг содрогнулись. Магия, державшая их, жалобно взвыла, петли скрипнули, и створки с грохотом распахнулись настезь, ударяясь о стены.

Я вздрогнула и, не в силах сдержаться, обернулась вместе со всеми. В проеме стояла высокая темная фигура. Это был он. Магнар дра'Карион. Старший брат короля. Генерал. Чудовище. Он опирался на массивную черную трость. Даже отсюда, через весь зал, я чувствовала исходящую от него волну дикой, необузданной силы и ярости. Его левая нога была неестественно прямой, закованной в специальный жесткий сапог.

Но страшнее всего выглядело его лицо. Красивое, с резкими, волевыми чертами, оно было перечеркнуто жутким бугристым шрамом, тянущимся от виска через левый глаз до самого подбородка, следствие той самой магии, которую сотворили мои родители. Левый глаз был мертвенно-белым, слепым, но правый... правый горел расплавленным золотом, в нем плескалась ярость.

По залу пронесся коллективный вздох ужаса.

Магнар сделал шаг: тук. Он не смотрел на короля. Не смотрел на гостей. Взгляд своего единственного зрячего глаза, полного ненависти и боли, он устремил на меня.

— Продолжайте, — прорычал он, и от его низкого вибрирующего голоса задрожали стекла в окнах. — Я просто пришел посмотреть, как вы продаете дочь тех, кто сделал меня таким.

Он оскалился, и этот оскал был страшнее любой угрозы.

— Ну же, — он сделал еще один хромающий шаг вперед, и люди в задних рядах вжались в стулья. — Я хочу видеть это представление в первом ряду.

Тук, шш-шурх – Магнар двинулся по центральному проходу, не так быстро, как мог бы, но с такой неторопливой, давящей мощью, что казалось, будто он сминает воздух перед собой. Его трость из черного обсидиана стучала по мрамору с устрашающей регулярностью: тук, шш-шурх, тук, шш-шурх.

Я смотрела на него не в силах оторваться. Хрупкие лилии в моих руках дрожали. Я хотела отвернуться, взглянуть на жениха, на короля, на что угодно, но не могла.

Он не сводил с меня взгляда своего единственного, горящего золотом глаза. И в этом взгляде было столько тьмы, что мне захотелось не просто отвернуться, а исчезнуть, раствориться в воздухе, стать пылью под ногами гостей. Но я не могла. Тело словно сковало параличом, и я стояла пригвожденная к месту, как пришпиленная булавками бабочка.

Лорды и леди, еще минуту назад надменно обсуждавшие мой наряд, теперь в панике шарахнулись в стороны, стремясь оказаться как можно дальше от прохода. Едва Магнар приблизился к первому ряду, несколько человек подскочили со своих мест, словно ошпаренные, и поспешили скрыться в глубине зала. Никто не хотел находиться в радиусе досягаемости генерала, чья ярость была легендой.

Он тяжело опустился в кресло прямо напротив алтаря. Вытянул несгибаемую ногу, поморщившись от боли, и положил обе руки, затянутые в черные перчатки, на набалдашник трости, выполненный в виде оскаленной драконьей головы. Только теперь он отвел от меня свой тяжелый взор и посмотрел на брата.

Я мельком, сквозь пелену страха, отметила их пугающее сходство: те же черные волосы, спадающие ниже плеч; те же резкие скулы и волевой подбородок; та же врожденная подавляющая стать хищника. Только Саргон был подобен сияющему на солнце клинку, безупречному и смертоносному, а Магнар напоминал меч, побывавший в тысяче битв, зазубренный, ржавый от крови, но оттого еще более опасный.

— Что же ты, брат, — голос Магнара сочился ядом, но был тихим, вкрадчивым, — не соизволил пригласить меня на такую занятную церемонию? Неужели забыл дорогу в мое скромное жилище? Или посчитал, что с границы королевства я не смогу добраться? Как видишь, смог.

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как трещат свечи. Король даже бровью не повел, сохраняя ледяное спокойствие, хотя его пальцы, сжимающие подлокотник трона, побелели.

— Я хотел избавить тебя от лишних волнений, Магнар, — ровно ответил Саргон, его голос звучал эхом в пустом колодце. — Вид дочери тех, кто искалечил твою жизнь, — не лучшее зрелище для твоих нервов. Я проявил заботу.

Магнар издал короткий лающий смешок. Шрам на его лице дернулся, делая выражение еще более зловещим.

— Заботу... Как трогательно. Но ты ошибся, Саргон. Я люблю смотреть в лицо своим врагам. И их отродьям тоже.

От этих слов у меня внутри все похолодело. Он пришел не просто посмеяться надо мной, он пришел отомстить.

Магнар снова повернулся к алтарю и махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху:

— Продолжайте. Не смею задерживать триумф королевского милосердия.

Священник поперхнулся воздухом и, трясущимися руками поправив золотую чашу, снова начал читать обряд. Его голос дрожал, слова путались, и магия в чаше, казалось, нервничала вместе с ним.

— Мы... остановились на клятвах... — пролепетал он сбиваясь.

Я косила глаза на Фарриса. Мой «счастливый» жених, который еще минуту назад стоял с видом победителя, сейчас выглядел жалко. С его лица схлынули краски, на лбу выступила испарина. Он боялся. Он до смерти боялся искалеченного дракона, сидящего в трех шагах от нас. Его рука, которую он должен был протянуть мне, мелко дрожала.

Голова у меня кружилась. В ушах стоял слабый нарастающий шум, подобный морскому приборю. Я едва держалась на ногах. Все происходящее теперь казалось чем-то нереальным, дурным сном, от которого я никак не могла проснуться.

— Дайте руки, — просипел священник.

Фаррис протянул ладонь. Я, словно во сне, вложила свою в липкие и холодные пальцы жениха. Жрец достал ритуальный кинжал. Лезвие сверкнуло в свете магических огней.

— Креплю кровью и магией... — начал он нараспев, подавая кинжал Фаррису.

Жених, бледнея еще сильнее, сделал крошечный надрез на большом пальце. Алая капля упала в чашу.

— Да свяжет тебя с той, что стоит рядом, — провозгласил священник.

Кинжал передали мне. Мои пальцы не слушались, и я чуть не уронила его. Магнар, сидящий в кресле, наблюдал за мной не мигая, словно хищник, следящий за жертвой. Я чувствовала, что должна сделать этот надрез, иначе он сам встанет и сделает это за меня. Превозмогая тошноту, я порезала палец. Острая боль обожгла ладонь – лезвие рассекло кожу. Алая капля упала в золотую чашу, смешиваясь с кровью Фарриса.

— Да примет тебя в его род, — продолжил священник.

Он поднял чашу, и алая жидкость засияла. Чаша зависла в воздухе, и из нее вырвалась тонкая мерцающая нить золотистой магии. Она коснулась сначала лба Фарриса, затем моего, словно невидимая печать.

— Примите этот союз, Драконы-Прародители! Пусть станут они единым целым перед лицом вечности!

Дым метнулся к нам, обвивая наши соединенные руки. Я почувствовала, как чужая холодная магия проникает под кожу, ввинчиваясь в вены, связывая меня с мужчиной, которого я видела впервые в жизни. Это было похоже на ледяные кандалы. Меня затошнило. Я чувствовала себя пойманной птицей, которой прямо сейчас на глазах у сотен людей подрезают крылья.

— Объявляю вас мужем и женой! — выкрикнул священник, явно торопясь закончить. — Лорд Уорлик, можете поцеловать супругу.

Фаррис наклонился ко мне. Его губы коснулись моей щеки – сухой, быстрый, трусливый поцелуй. Он даже не взглянул мне в глаза, все его внимание было приковано к фигуре в первом ряду.

Я едва успела выдохнуть, надеясь, что теперь этот кошмар закончится и мне дадут уйти, как раздались хлопки, медленные, ритмичные, издевательские: хлоп, хлоп, хлоп.

Я вздрогнула всем телом и повернулась. Магнар хлопал в ладоши, не сводя с меня своего жуткого, пронзительного взгляда.

— Bravo, — его голос прогремел над затихшим залом. — Прекрасное представление. Трогательно до слез.

Он ухватился за спинку рядом стоящего стула и с натужным рыком поднялся. Оперся на трость, выпрямляясь во весь свой огромный рост. Теперь он нависал над нами, как грозовая туча.

Тук, ш-ш-шурх.

Он подошел вплотную к алтарю. Фаррис отшатнулся, едва не наступив мне на платье. Я же не могла пошевелиться, глядя снизу вверх в лицо человека, которого в детстве мне описывали как чудовище. Вблизи шрам выглядел еще страшнее – грубая, бугристая ткань, стягивающая кожу, бельмо на левом глазу... Но правый глаз, живой и яростный, гипнотизировал. Мужчина был красив пугающей, дикой красотой.

Магнар смотрел на меня долго, изучающе, словно оценивал товар. Его взгляд скользнул по украшениям в волосах, по жемчугу на лифе, задержался на моих губах, и от этого внимания меня бросило в жар.

— Поздравляю, леди Уорлик, — произнес он с кривой усмешкой, — или все же леди Вермари? Кровь предателей так просто не смыть сменой фамилии, верно?

Я судорожно сглотнула, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

— И тебя, Фаррис, поздравляю, — он даже не посмотрел на жениха. — Урвал кусок послаще?

— Ваше Высочество... — пролепетал теперь уже муж.

Генерал проигнорировал его. Он снова смотрел на меня.

— Принято дарить подарки на свадьбу, — задумчиво протянул он. — Но я, к сожалению, не подготовился. Не захватил с собой ни драгоценностей, ни земель, достойных такого... союза.

Он сделал паузу, и в этой паузе звенело напряжение.

— Однако у меня есть кое-что иное.

Генерал медленно повернул голову к королю. Саргон уже поднялся с трона, чувствуя неладное. Его лицо потемнело.

— Магнар, не смей устраивать сцен, — начал король.

— Помнится, брат, у нас есть древний обычай, — перебил его Магнар, повысив голос так, что он эхом отлетел от сводов зала. — Ему несколько сотен лет, со времен первых завоеваний. Им уже давно никто не пользуется, мы ведь цивилизованные люди, не так ли? Но я решил, что сегодня – исключительно подходящий случай.

По залу пронесся испуганный шепот. Я лихорадочно пыталась вспомнить уроки истории. О чем он говорит? Какой обычай?

Магнар вновь перевел взгляд на меня. И в этом взгляде я увидела свой приговор.

— Ты дочь тех, кто отнял у меня здоровье и силу, — тихо, но четко произнес он, глядя мне прямо в душу. — Ты их наследие. И ты заплатишь их долг.

Я побледнела, наконец осознав, о каком обычае он говорит. Нет... Не может быть. Это варварство, его отменили века назад!

— Я требую право первой ночи! — рявкнул Магнар, а я не смогла сдержать тихого вскрика.

Зал ахнул в едином порыве. Кто-то из дам вскрикнул. Фаррис издал сдавленный звук, похожий на писк.

— Ты не можешь! — крикнул король. — Магнар, это безумие! Мятеж Вермари был подавлен десять лет назад. Ты не имеешь права воскрешать эти тени ради своей прихоти!

Магнар медленно повернулся к брату. Его тяжелый сапог глухо ударил о мраморный пол, а трость выбила сухой костяной звук.

— Прихоти? Возможно. — Магнар криво усмехнулся. — Но Кодекс Крови, на котором ты клялся во время коронации, не имеет срока давности. А мое слово в этом вопросе непоколебимо. Напомнить тебе наш договор, брат?

Саргон замер, его лицо исказилось от бессильной ярости. Он понимал: Магнар бьет в самое больное место. Сила драконьей власти держалась на незыблемости древних пактов. Нарушить один – значит поставить под сомнение все остальные.

— Я принц крови! — взревел Магнар, и вокруг него начало сгущаться пространство. Воздух затрещал от древней магии. — Я генерал армии! И по законам предков, в день свадьбы вассала с дочерью поверженных врагов я имею право потребовать трофей! И мне не посмеют отказать.

Он резко вскинул руку. Я не успела даже отшатнуться. Его пальцы сложились в сложный знак, он выкрикнул резкое, гортанное слово на древнем языке, смысла которого я не знала. В воздухе, прямо между нами, вспыхнула древняя руна – горящий золотом символ, похожий на чешую.

— Нет! — закричала я, но голос сорвался.

Руна метнулась ко мне и ударила в грудь, прямо в сердце. Меня пронзила такая острая боль, что я согнулась пополам.

— Скреплено! — прорычал Магнар. — Теперь ты связана со мной, Илина. Пока ты не отдашь свою первую ночь дракону, клятва будет действовать. — Он наклонился к самому моему уху и прошептал: — Если откажешься... или если этот трус Уорлик посмеет прикоснуться к тебе раньше меня... магия сожжет тебя изнутри. Ты умрешь в страшных муках.

Гул в зале перерос в сплошной, нарастающий рев. Кто-то закричал. Король сбежал с возвышения, крича что-то брату с искаженным от ярости лицом. Фаррис попятился, наткнулся на священника и завалился, закрывая лицо руками.

Но я уже ничего этого не видела. Я слышала, как бьется мое сердце, словно пойманная птица в клетке, и видела только злую, торжествующую ухмылку на изуродованном лице Магнара. Это была месть. Отточенная, изысканная месть за то, что сделали мои родители. Он не просто взял мою жизнь. Он взял мою честь.

Мир вокруг накренился. Пол ушел из-под ног. Тяжелый запах цветов, дымка от свечей, крики в зале – все смешалось в невыносимый хаос. Руна на груди жгла, словно клеймо.

«Право первой ночи... С чудовищем...»

Последнее, что я запомнила, перед тем как милосердная тьма поглотила меня, – это удушьящий запах лилий и расплавленное золото его глаза, в котором плескалась моя погибель.

Я полетела в бездну.

Глава 2

Я очнулась в тишине, гнетущей, ватной тишине, которая давила на уши сильнее, чем грохот оркестра в тронном зале. Голова тяжелая, налитая свинцом, но мысли, на удивление, текли ясно и холодно. Я лежала на широкой кровати под бархатным балдахином. На мне все еще было то самое свадебное платье, в котором я шла в свою новую жизнь. Но фаты не было. И не было тяжести драгоценностей. Я коснулась шеи, мочек ушей – пусто.

Фаррис или его слуги успели снять все: жемчуга, бриллианты, фамильные подвески Уорликов, которые мне преподнесли перед свадьбой. «Подарки» забрали, а меня, словно бракованный товар, вернули на полку, предварительно сорвав с него дорогую упаковку. Это было даже не обидно, а... позорно. Он просто открестился от меня.

Сколько я пролежала в беспамятстве? Час? Два? Посмотрела в темный купол балдахины, и память услужливо начала воспроизводить кошмар в тронном зале: горящая руна, клятва, искаженное шрамом лицо Магнара.

«Право первой ночи».

Слезы, горячие, злые, защипали глаза. Неужели это правда? Неужели мне придется... с ним, с чудовищем, которого опасается даже сам король?

Справа послышалось шуршание шелка. Я резко повернула голову и подскочила на кровати, сжав в кулаках простынь. В кресле у камина сидела Руана. Она не плакала. Она была зла. В ее глазах, обычно холодных и расчетливых, сейчас полыхал пожар бессильной ярости. Она мяла край своего темно-синего платья и смотрела на огонь в камине.

— Руана... — выдохнула я чужим, надтреснутым голосом. — Чем... все закончилось?

Сестра медленно перевела на меня взгляд.

— Закончилось? — она горько усмехнулась. — Все только начинается, Илина. А в зале был скандал. Король орал на брата. Фаррис орал на священника. Все орали. А потом Магнар просто ушел, бросив тебя тут.

— Ушел? — В моем голосе промелькнула слабая надежда.

— Не думай, что навсегда. Магнар оставил здесь свою личную гвардию. «Черные драконы». Они стоят за дверью, караулят каждый выход.

Боги... «Черные драконы» были самыми свирепыми стражами в королевстве. Их оставляли стеречь самых опасных преступников, отправляли на поимку беглых, и сейчас... они стерегут меня. Или, скорее, следят, чтобы трофеем не сбежал.

— Что мне делать? — я подалась вперед, чувствуя, как паника ледяными щупальцами сжимает горло. — Неужели мне правда придется ехать к нему? Неужели король позволил?

— А ты думала, что король заступится за тебя? Снимет эту клятву? С дочери преступника? — усмехнулась сестра жестко. — Нет, Илина, он не сделал ничего, кроме приказа отнести тебя в покои. Ты теперь не невеста. Ты – добыча его брата.

Я закрыла лицо руками, пытаюсь сдержать рыдания, рвущиеся из груди.

— За что? За что он так со мной? Я же ничего не сделала. Когда отец и мать готовили переворот, мне было девять. Я играла в куклы, Руана! Я не виновата в его увечьях!

Сестра тяжело поднялась, придерживая живот, и подошла к кровати.

— Он прав в одном, — холодно заметила она, глядя на меня сверху вниз, — нашу фамилию ничем не исправить; ничем не смыть эту, как они говорят, «грязную кровь». У нас заблокировали магию, отняли титул, дом, деньги. Мы десять лет платили за грехи родителей. Десять лет терпели плевки в спину, насмешки, тычки. Мы думали, что эта свадьба – конец расплаты, а оказалась новой изощренной пыткой.

Она наклонилась ближе, и я увидела, как дрожат ее губы.

— Даже после этой ночи... даже если ты выживешь, в их глазах ты все еще будешь виновна. Никто не снимет с тебя клеймо дочери убийц. Магнар просто решил напомнить нам наше место – в грязи, под сапогом.

Я смотрела на сестру и видела в отражении ее глаз себя – бледную, испуганную, растерянную, загнанную в капкан лань, которой не выбраться. Да, я была добычей чудовища, который сожрет меня и не подавится. Я для него ничто, трофей, с которым можно поиграть, сломать и выбросить.

— А муж? — спросила я тихо. — Где Фаррис?

Руана скривилась, словно раскусила лимон.

— Уорлик? Этот слизняк уехал в свое поместье сразу же, как тебя вынесли из зала. Даже не спросил, жива ли ты. Умчался, спасая свою шкуру от гнева генерала. Ты ему больше не нужна, сестренка. Испорченный товар.

Слова хлестали больнее пощечин: никому не нужна, брошена, продана, отдана чудовищу на растерзание.

— Нет, — прошептала я. — Я не поеду. Я сбегу.

Я соскочила с высокой кровати, путаясь в юбках, и бросилась к окну. Рванула тяжелые бархатные шторы. За стеклом царил зимний день. Снег укрыл дворцовый парк белым покрывалом, но эта белизна была обманчива. Прямо под окнами, на расчищенной площадке, стояла карета. Огромная, черная. На ее дверцах тускло поблескивал герб. В карету впряжены четыре черных коня – архарские скакуны, чудовища во плоти с горящими алым глазами и пастью, полной острых зубов. Самые быстрые и злобные твари во всей империи. Их практически невозможно обуздать, а Магнар... смог. Чудовище усмирило чудовищ. Вокруг кареты застыли всадники в черных латах.

Меня прошиб холодный пот. Через окно не выбраться – высоко, да и внизу ждут.

— Не выйдет, — голос Руаны за спиной прозвучал глухо. — Все оцеплено. Стены проверяли маги. Потайных ходов здесь нет. Ты теперь собственность Магнара, Илина. До рассвета.

Я резко обернулась. Внутри вспыхнула горячая, непривычная ярость.

— Собственность?! Я шла к алтарю не по своей воле, по приказу короля! И теперь я должна покориться воле этого... калеки? Этого монстра?

— Должна, — кивнула Руана, — иначе клятва убьет тебя. Или ты останешься проклятой старой девой до конца дней, запертой в башне.

— Да я лучше сгнию в башне! Лучше умру старой девой, чем лягу под него! — закричала я, не в силах больше сдерживаться. — Я ненавижу его! Именно из-за него родители подняли восстание! Он был палачом! Он сжигал деревни, если там отказывались следовать указам драконов! Он презирал людей, считая нас скотом! И я не стану отдавать ему свою честь!

Руана смотрела на меня странным темным взглядом. Опасливо оглянулась на дверь и, тяжело ступая, подошла вплотную, схватила меня за руку выше локтя, больно, цепко.

— Тише, дура! — прошипела она.

Затем ее лицо изменилось. Гнев ушел, уступив место пугающей решимости.

— Ты права, — зашептала она быстро. — Он тот, кто отнял у нас все. Он причина наших бед. И если ты не хочешь быть жертвой, стань палачом.

— О чем ты? — я отшатнулась, но сестра держала крепко.

— Ты должна убить его, Илина.

У меня перехватило дыхание.

— Что?! Ты с ума сошла!

Руана быстрым движением запустила руку в складки своего широкого платья и вытащила что-то длинное, завернутое в темную ткань. Когда развернула сверток, на ее ладони я увидела кинжал, тонкий, хищный, из черного металла, по которому пробежали фиолетовые искры. Рукоять испещрена рунами.

— Это клинок отца, — прошептала Руана с фанатичным блеском в глазах. — Он спрятал его перед арестом. Я хранила его все эти годы. Он напитан темной магией, магией крови, той самой, что запрещена. Его не нашли, так как отец заговорил его особым способом, эту магию не почувствуют ни люди, ни драконы.

— Убери, — я дернулась, как от ядовитой змеи. — Нас казнят!

— Тебя и так приговорили к смерти, только медленной и унижительной, — зло зашипела сестра. — Думаешь, Магнар будет нежен? Думаешь, он просто возьмет свое и отпустит? Он будет ломать тебя, Илина, мстить за свой глаз, за свою ногу, за свою боль. Он убьет тебя этой ночью, только сделает это так, чтобы ты сама молила его о смерти.

Меня затрясло. Слова сестры рисовали в воображении жуткие картины.

— Этот клинок не оставит следов, — продолжала Руана, вкладывая холодную рукоять в мою онемевшую ладонь. — Темная магия растворит рану. Скажешь, что сердце не выдержало, что он умер от наслаждения или от старых ран. Никто не докажет.

— Я не смогу... Я не убийца...

— Сможешь! Ради нас! Ради памяти родителей! Ради себя!

Руана ловким движением вновь завернула кинжал в ткань, сунула его в потайной карман в складках моего пышного свадебного платья, о котором я даже не знала.

— Он там. Если Магнар коснется тебя, бей.

Я хотела вытащить оружие, отшвырнуть его, закричать, но в этот момент замок двери громко щелкнул. Руана отпрянула от меня. Дверь распахнулась, и в комнату вошел король.

Саргон был мрачен. Его лицо казалось застывшей маской, а темные глаза метали молнии. Он был один, без охраны, но его аура власти заполняла комнату так, что становилось трудно дышать.

— Вон, — бросил он Руане, даже не глядя на нее.

Сестра присела в осторожном реверансе, кинула на меня последний, многозначительный взгляд и поспешила выйти, держась за поясницу. Как только дверь за ней закрылась, Саргон сделал сложный жест рукой. Воздух вокруг нас едва заметно дрогнул.

— Полог тишины, — пояснил он, видя мой испуг. — Нас никто не услышит.

Сердце колотилось как сумасшедшее. Я все еще чувствовала фантомный холод металла в руке. Было страшно, что Его Величество сейчас почувствует черную магию, найдет кинжал, и... до замка Магнара я уже не доеду – меня казнят здесь же, на месте. Но ничего этого не произошло. Неужели эту магию и правда не ощутить?

Король медленно прошел в центр комнаты, остановившись в паре шагов от меня, и молча смотрел, изучал, запоминал. Его взгляд скользнул по моим распущенным волосам, по бледному лицу, по подаренному им же платью, где в складках пряталась сама смерть.

— Мне жаль, Илина, — произнес он, и голос его стал мягче, глубже, — искренне жаль, что день твоей свадьбы превратился в кошмар. Я знал, что мой брат ненавидит твой род, но не думал, что он зайдет так далеко.

— Его можно понять, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Он искалечен и не забыл, кто в этом виноват.

Король хмыкнул, подойдя ближе.

— Ты удивительно великодушна для жертвы. Да, он пострадал. Но ты не должна за это отвечать.

— Однако отвечаю, — я прямо посмотрела в черные глаза монарха. — Вы ведь не отмените его право, Ваше Величество?

В мыслях всплыли строчки из учебника истории. Строчки об этом обычае. Да, драконы установили право первой ночи, но они же сделали лазейку, послабление. Это право можно отменить. И сделать это мог либо тот, кто установил это право, либо действующий король, вложив немало сил и магии. Я не питала надежды, но...

Саргон покачал головой:

— Я не могу нарушить древний закон, когда он уже призван и скреплен магией. Это ослабит трон. У тебя нет выхода, Илина. Тебе не дадут выйти из этой комнаты никуда, кроме как в карету моего брата.

Этого и следовало ожидать.

— Я еду к нему? В его замок?

— Да. Он пожелал, чтобы все случилось на его территории. И... — король на секунду запнулся, — он приказал, чтобы ты осталась в свадебном платье.

Я горько усмехнулась:

— Как символично – первая брачная ночь, но не с мужем.

Саргон вдруг шагнул ко мне вплотную, нарушая все границы приличия. Я почувствовала запах его парфюма – сандал и мускус. Он был теплым, живым и... опасным.

— Если бы я знал о задумке Магнара, я бы опередил его, — тихо произнес король, глядя на мои губы.

Я замерла, боясь вдохнуть. Щеки вспыхнули, а сердце застучало где-то в горле. Это не было утешение. Это был интерес мужчины к женщине.

— Я поговорю с Уорликом, — продолжил Саргон, протягивая руку и касаясь костяшками пальцев моей щеки, медленно очертив овал лица, скользнув к губам, ключице. — Я заставлю его принять тебя обратно, когда все закончится. Но, если он окажется глупцом и откажется...

Король чуть склонил голову, его глаза потемнели, став почти черными безднами.

— Ты не останешься на улице, Илина. Во дворце всегда найдется место для такой красивой девушки. И я лично прослежу, чтобы ты ни в чем не нуждалась.

Смысл его слов дошел до меня мгновенно. Это было обещание, предложение стать фавориткой, любовницей. Какая ирония: одну ночь меня будет терзать чудовище, чтобы отомстить, а потом подберет король, чтобы «утешить». Я для них лишь игрушка, трофей, переходящий из рук в руки. Во мне поднялась холодная волна гордого презрения. Я выпрямила спину, вспомнив уроки этикета. Я дочь герцога, и не буду плакать и умолять.

— Благодарю вас, — произнесла я ледяным тоном, не отводя взгляда. — Вы чрезмерно милостивы, Ваше Величество.

Саргон усмехнулся, уловив мой настрой. Кажется, моя непокорность его только раззадорила. Он убрал руку от моего лица.

— Удачи, Илина. Она тебе понадобится.

Он снял полог тишины. В ту же секунду дверь распахнулась, и на пороге возник начальник стражи Магнара – огромный воин в черных доспехах.

— Карета подана, — пророкотал он без эмоций. — Генерал не любит ждать.

Я глубоко вздохнула, собирая остатки мужества, оправила юбки, чувствуя тяжесть кинжала в складках – моего единственного защитника.

— Я готова, — сказала и двинулась за стражем.

Прошла мимо короля, не поклонившись, и вышла в коридор, гордо подняв голову. Впереди меня ждала ночь с чудовищем. И я знала одно: либо я выйду из его спальни убийцей, либо не выйду вовсе.

Вдоль всего коридора снова собрались зеваки. Они просто сделали из всего этого события спектакль. И я не удивлюсь, если все те же лица останутся и на последний акт, когда я, измученная и униженная, вернусь сюда следующим утром.

Шепотки за спиной сливались в единый гул, напоминающий шуршание сухих листьев. Кто-то охал, прикрывая рот ладонью, кто-то откровенно злорадствовал, тыкая пальцем в падшую, в дочь предателей.

— В одном платье идет на мороз...

— Сразу видно, как муж «ценит» свою супругу.

— Да он уехал уже давно, только пятки сверкали!

— В логово к зверю едет, бедняжка...

— Да так ей и надо! Поплатится за грехи родителей.

Когда же это закончится?

Да, мне не дали никакой накидки, оставили в одном прекрасном, но будто проклятом платье, в котором я вновь иду на эшафот. И едва миновала тяжелые двери дворца, как морозный воздух мгновенно пробрался сквозь тонкое кружево, обжигая кожу ледяными иглами. Ветер трепал распущенные волосы, бросая их мне в лицо, но я даже не попыталась их убрать.

Я не оглянулась, не ускорила шаг, хотя тело била крупная дрожь. Им не нужно видеть мои слезы. Им не нужно видеть, как мне страшно. Если я побегу, если сгорблюсь от холода, стану жертвой. А жертв здесь добивают.

Впереди, прямо у последней ступени, стояла карета, черная, огромная, зловещая. На дверце скалился личный герб Магнара, который я смогла рассмотреть получше: черный дракон разрывает солнце. Почему-то на месте солнца я сейчас видела себя.

Я поднялась по ступенькам. Внутри карета оказалась неожиданно просторной и теплой. Мягкие бархатные сиденья, обитые бордовой тканью, поглощающей звуки. Здесь пахло не лошадьми и дорогой, а... Магнаром. Именно им и никем больше. Я опустилась на сиденье, чувствуя себя странно: мне казалось, меня должны везти в клетке с решетками, как опасную преступницу, а не в роскошном, пусть и мрачном экипаже.

Едва я убрала ноги с подножки, дверь захлопнулась сама собой. Щелк. И тут же по стенам пробежала едва заметная фиолетовая рябь – запирающее заклинание. Теперь я точно не выйду, даже если захочу. Я в ловушке.

Не хотела смотреть, не хотела оборачиваться на свою прошлую жизнь. Но взгляд против воли скользнул к небольшому окошку, занавешенному плотной шторой. Я чуть отодвинула бархат. Там, на крыльце, стоял Саргон.

Король не ушел. Он стоял один, возвышаясь над толпой придворных, и смотрел прямо на карету. Наши взгляды встретились через стекло и магическую защиту. Внешне он был спокоен – ледяная статуя монарха, вершащего судьбы. Но в его черных глазах, устремленных на меня, я видела бурю. Там плескались гнев, уязвленное самолюбие и... обещание, жуткое обещание, от которого мне стало жарче, чем от магии в карете.

Карета тронулась внезапно, без рывка, но сразу набирая скорость. Саргон исчез из виду, как зеваки и вся моя прошлая жизнь. Ведь как прежде уже не будет...

Мы выехали с дворцовой площади.

Мимо проплывал величественный белоснежный дворец – шпили, башни, витражи, сверкающие в лучах зимнего солнца. Там было тепло. Там было безопасно. И там я могу жить, если соглашусь на предложение короля.

Я откинулась на спинку сиденья и горько усмехнулась. Ярость, горячая и колючая, заклокотала в груди.

— Не бывать этому, — прошептала я в пустоту.

Я не игрушка, не переходящий приз, не трофей, который один брат отнимает у другого, чтобы доказать свое превосходство, а второй хочет вернуть, чтобы потешить эго. И уж точно я не шлюха, чтобы греть постель королю, после того как его брат по праву силы сломает меня.

Карета вырвалась за пределы дворцовых ворот на широкий тракт. И тут произошло невероятное. Лошади набрали такую скорость, что мир за окном смазался в одну пеструю ленту. Я вжалась в сиденье, испугавшись, что мы сейчас врежемся, перевернемся, разобьемся в щепки. Но экипаж шел плавно, словно плыл по воде. Никакой тряски, ни звука колес. Только тихий гул магии.

Это же личная карета Магнара, зачарованная лучшими мастерами, а может, и им самим когда-то давно. Мысль царапнула сознание: он отдал ее мне. Почему? Как он сам доберется

до своего замка? Насколько я знала, его увечья сделали невозможным оборот в дракона. Он не мог оборачиваться, не мог лететь. Значит, он либо выехал раньше, либо владеет способами перемещения, о которых не говорят открыто. Впрочем, какая мне разница? Пусть хоть вовсе никуда не выезжает из дворца.

Мы пронеслись через Оскурум – столицу империи. Дома, лавки, храмы – все слилось в серый поток. Миновали ближайшую деревню, пустырь, и вот уже цивилизация и жизнь остались позади, а карета, не сбавляя хода, въехала под сень деревьев.

Темный лес. Огромные ели, вековые дубы переплетенными голыми ветвями нависали над дорогой, создавая тоннель. Здесь царил вечный полумрак и обитали такие монстры, о которых говорили шепотом. Страх, который я удачно подавляла гневом, вернулся. Он накатил холодной волной, не давая нормально дышать. Я еду к чудовищу, к мужчине, который ненавидит меня просто за факт моего рождения. Он обещал мне муки. Обещал, что я умру, если не покорюсь или если... не убью его.

Воспоминания всплывали перед глазами один страшнее другого: его шрам, изуродовавший половину лица, единственный здоровый глаз, горевший золотом и лютой злобой, и эта руна на моей груди, которая до сих пор жгла кожу, напоминая о долге.

Рука сама потянулась к складкам платья. Под чехлом пальцы нащупали твердую рукоять кинжала, спрятанного Руаной, а в голове вихрем пронеслись мысли. Убить его? Дракона? Генерала, прошедшего сотни битв? Я всего лишь девчонка, лишённая магии. У меня нет какой-либо подготовки, нет сил и столько смелости, чтобы решиться на такой шаг. Это безумие. Он остановит меня раньше, чем я замахнусь.

В порыве внезапной паники я прижалась к окну кареты. Мне нужно было избавиться от этого проклятого подарка сестры, выбросить его в снег, пока не стало слишком поздно. И как можно быстрее. Я ухватила за створку, пытаюсь опустить стекло, но оно даже не шелохнулось. Магия. Проклятая магия дракона удерживала окна и двери, чтобы я не смогла ее открыть сама. Снаружи бушевал ветер, но здесь, внутри, не было даже щели, через которую мог бы просочиться воздух.

Я лихорадочно огляделась. Тогда, нужно его спрятать. Но куда? Под сиденье? В какую-нибудь нишу? Я обшарила пальцами обивку, прощупала все под бархатными подушками, но не нашла ни одного углубления, ни одной щели или полки, куда можно было положить хотя бы сумку или багаж. Ничего.

Если стража решит обыскать меня или карету при выходе, они найдут клинок в ту же секунду. И тогда... тогда смерть покажется мне милостью.

— Нет, я не смогу его убить... — прошептала я, обхватив себя руками за плечи. Меня трясло. Зубы стучали. Но не от холода, это был страх. За себя, за то, что я собиралась сделать...

Но есть и другой выход.

Мысль пришла внезапно, страшная, но в то же время соблазнительная. Простая и очевидная. Я вытащила кинжал, рассматривая черное лезвие в полумраке кареты. Темная магия, заключенная в металле, отозвалась покалыванием в пальцах. Я не смогу убить Магнара, но могу убить себя. Лучше смерть, чем стать подстилкой ради мести. Лучше вонзить кинжал в сердце, чем чувствовать его руки на своем теле. Я не позволю ему издеваться надо мной, не доставлю ему удовольствия видеть мой страх и унижение.

— Я не трофей, — упрямо повторила я, сжимая рукоять все сильнее и борясь сама с собой.

Эта мысль пугала до дрожи, до тошноты, но в ней была свобода. Это был мой выбор, единственный, который у меня остался. Нужно только окончательно принять его.

Я потеряла счет времени. Может, прошел час, а может, вечность. Лес за окном стал гуще, чернее, но в один момент деревья расступились, а замок вырос словно из-под земли. Он не походил на сияющий королевский дворец, нет. Это была крепость, высеченная в черной скале,

древняя, как сам мир. Первая крепость, построенная драконами. Острые шпили пронзали тучи, а зубчатые стены напоминали хребет спящего дракона. Камень был темным, непривычным, будто пропитанным темной магией.

Карета остановилась так резко, словно налетела на стену, но я даже не шелохнулась. Дверь распахнулась сама собой, холодный ветер ударил в лицо, выдувая тепло.

— Прощу, леди, — раздался глухой голос.

Я вышла, едва не запутавшись в подоле платья. Руку мне подал страж, полностью закованный в черную броню, лица не видно, на нем была маска с железными вставками и низкий капюшон. И обыскивать меня он не стал, но... бегло осмотрел карету.

Во дворе пусто. Ни слуг, ни управляющего, ни души. Только ветер, гуляющий по каменным плитам, и снег, заметающий следы. Замок казался мертвым, нежилым.

— Следуйте за мной.

Меня куда-то вели бесконечными коридорами. Здесь было темно и тихо, факелы горели редко, отбрасывая пляшущие тени на стены и пол. Стены давили и было холодно, намного холоднее, чем во дворе. Этот холод проникал в кости, в самую душу, а я так и была в одном платье. Ни единого гобелена, никаких украшений, только редкие каменные статуи воинов прошлых лет. Все здесь говорило о войне, силе и одиночестве.

Мы поднялись по винтовой лестнице на третий этаж. Страж остановился перед массивной дверью из темного дерева, окованной железом.

— Покой хозяина, — коротко бросил он, открывая дверь. — Ждите здесь.

— А... — начала я, но голос сел. — А господин?

— Он прибудет, когда посчитает нужным.

Я нервно усмехнулась. Когда посчитает нужным. Конечно. Кто я такая, чтобы докладывать мне о времени прибытия? Жертва должна ждать палача.

Вдохнув, как перед прыжком в пропасть, я шагнула внутрь. Дверь за моей спиной захлопнулась с тяжелым звуком, заскрежетал замок, повинувшись магии. Шаги стража стихли вдали.

Я осталась одна.

Первой моей мыслью было избавиться от кинжала. Пока хозяин комнаты не пришел, мне нужно его где-то спрятать. Лихорадочно огляделась, но комната оказалась пугающе пустой и строгой. Никаких мягких кресел с подушками, ни одного ковра или гобелена на стене, за который можно бы засунуть лезвие. Только холодный камень и тяжелое дерево.

К кровати я не решилась подойти. Только не к ней.

Мой взгляд упал на массивный стол, заваленный картами, документами и, что заставило меня вздрогнуть, оружием. Я подошла к нему. Среди карт лежали три тонких длинных кинжала. Спрятать кинжал среди них? Нет, он слишком заметный. Другой. Темный. Генерал сразу все поймет.

Руки дрожали. Если я оставлю кинжал при себе, а Магнар решит обыскать меня, мне конец. Но если я просто брошу его в угол, он найдет его еще быстрее.

Осторожно поправила платье, чтобы убедиться, что кинжал все еще на месте. В голове пульсировала только одна мысль: «Спрятать. Нужно его спрятать». Но чем больше я смотрела по сторонам, тем отчетливее понимала – здесь некуда положить даже иголку, чтобы ее не заметили. Комната была пустая и лишенная каких-либо изысков.

В конце концов, я поняла, что не смогу его никуда деть. Страх никуда не ушел, но теперь к нему добавилось горькое осознание: это оружие останется со мной до самого конца.

Сейчас я должна была просто сидеть и покорно ждать своей участи, пока монстр не решит, что пора начинать. Но я не могла. Не могла ни стоять, ни сидеть, ни ждать. Минуты ожидания только добавляли страха и нервозности.

От бессилия и ужаса я не выдержала. Схватила тяжелый стеклянный графин и со всей силы швырнула его на пол. Хрусталь со звоном разлетелся на мелкие осколки, вода намочила

подол платья, а я стояла, тяжело дыша, и смотрела на разбитое стекло. Ярость. Ужас. Отчаяние... Но это не принесло облегчения, скорее, наоборот. Я повернулась к камину, надеясь хоть немного согреться и перестать дрожать, но замерла. В дальнем углу комнаты, в глубоком кресле, кто-то шевельнулся. Я была не одна.

— А ты смелее, чем кажешься, Илина, — раздался из темноты низкий голос, от которого у меня внутри все заледенело. — Я думал, ты попытаешься сбежать еще во дворце.

Из тени медленно, опираясь на спинку кресла, поднялась высокая фигура, а единственный глаз вспыхнул золотом во мраке.

Он уже был здесь. Он ждал.

Глава 3

Я попятилась, чувствуя, как ноги подкашиваются от животного ужаса. Одно дело — ехать в карете и храбриться, сжимая в руке холодную сталь, представляя, как я гордо вонзаю клинок в свое сердце. И совсем другое — стоять здесь в полумраке запертой в каменной клетке с настоящим чудовищем. Бежать некуда. За спиной — только стена и разбитый графин. Впереди — он.

Магнар сделал несколько тяжелых шагов ко мне. Тук, ш-ш-шурх — этот звук въедался в мозг, как скрежет металла по стеклу.

На нем уже не было парадного сюртука. Он остался в простой белой рубашке, расстегнутой почти до середины груди. Белая ткань резко, болезненно контрастировала с мрачными стенами и тенями, пляшущими по углам. В вырезе ворота я видела его мощную, перевитую мышцами грудь, испещренную жуткими белесыми шрамами.

Генерал остановился в шаге от меня. Его единственный зрячий глаз скользил по моему лицу, шее, груди, заставляя кожу покрываться мурашками.

— Нравится? — криво усмехнулся он, заметив мой взгляд, прикованный к его шрамам. — Хочешь посмотреть поближе на то, что сделали твои родители?

— Я не в ответе за их действия, — проговорила я, вжимаясь лопатками в холодный камень стены. Голос дрожал, но я заставила себя смотреть ему в лицо. — Мне было девять лет, я была ребенком. Я и так десять лет расплачиваюсь за их грехи. У меня забрали все.

Лицо Магнара исказилось. В его глазах я не увидела жалости. Там была лишь холодная, вековая ненависть. Но ненависть не ко мне лично, а к тому, что я олицетворяла. Я была живым напоминанием о его падении.

— Забрали все? — тихо, угрожающе переспросил он. — Ты потеряла титул и деньги, девочка. А я потерял небо и себя.

Он вдруг резким движением схватил края своей рубашки и рванул ткань в стороны. Пуговицы со стуком разлетелись по полу. Я ахнула, прикрыв рот ладонью. Его торс был не просто в шрамах от мечей. Левую сторону тела, от плеча до бедра, покрывали жуткие бугристые ожоги. Кожу там словно расплавили, и она застыла уродливыми потеками, отливающими фиолетовым и черным. Это следы темной магии, той самой, которой владели мои родители.

— Смотри! — прорычал он, наступая на меня. — Смотри на наследие своего рода! Это не лечится. Это не заживает. Каждую ночь, Илина, каждую проклятую ночь я чувствую, как эта магия грызет меня изнутри.

— Ты сам виноват! — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать. Страх сменился отчаянной защитой. Я вспомнила то, о чем шептались люди. — Ты спровоцировал их! Если бы ты не был таким жестоким, если бы ты не сжигал деревни и не относился к людям, как к грязи, восстание бы не вспыхнуло! Ты сам породил это зло!

В комнате повисла звенящая тишина. Магнар замер. Его лицо окаменело, а в золотом глазу зажегся опасный огонек. Он медленно, жутко улыбнулся.

— Какая же ты наивная, — прошептал он с пугающей мягкостью. — Ты повторяешь ложь предателей, чтобы оправдать свою гнилую кровь. Что ж... раз я для тебя чудовище, я буду им.

Он отшвырнул трость. Она с грохотом упала на пол. Я думала, он упадет, но он стоял, пошатываясь, кривясь от боли, но стоял. И в этом было столько дикой, необузданной угрозы, что я не выдержала. Я метнулась в сторону, к двери, надеясь проскользнуть мимо него, пока он без опоры. Глупая, наивная дура.

Он перехватил меня в одно мгновение. Его рука, горячая и твердая, как сталь, сомкнулась на моем запястье, дернув так, что у меня хрустнули кости.

— Пусти! — закричала я, ударяя его свободной рукой по груди. — Не трогай меня!

Магнар даже не поморщился. Он был силен, нечеловечески силен, несмотря на увечья. Он притянул меня к себе, вжимая в свое искалеченное горячее тело. Я чувствовала запах мускуса, темной магии и мужского тела.

— Пустить? — прорычал он мне в лицо. — Ты моя, Илина. Моя собственность по праву закона и магии. Пусть даже на одну ночь. Но мне хватит.

Он легко, словно куклу, развернул меня и швырнул на кровать. Я упала на шелк, пытаюсь отползти, но он уже навис сверху, придавливая меня своим весом.

— Нет! Пожалуйста, — слезы хлынули из глаз, застилая обзор. — Не делай этого...

— Поздно молить о пощаде.

Он схватил лиф моего платья. Треск разрываемой ткани прозвучал как выстрел. Лиф лопнул, обнажая корсет и белую сорочку. Холодный воздух коснулся кожи, но тут же сменился жаром его дыхания.

Магнар смотрел на меня сверху вниз, яростный, распаленный борьбой и жадной мести. Его рука скользнула по моему бедру, грубо сминая юбки, и вдруг... Его пальцы наткнулись на что-то твердое в складках и он тут же рывком выдернул кинжал отца из потайного кармана. Так ловко и уверенно, словно прекрасно знал, что он находился там. Черное лезвие тускло блеснуло в свете камина.

— Вижу, как ты подготовилась, — прошипел он, поднося клинок к моему лицу. — Решила закончить дело родителей? Добить калеку в постели?

— Нет! — закричала я, мотая головой. Истерика накрыла меня с головой.

— Лгунья! — рявкнул он. — Ты такая же змея, как и они. Ты принесла в мой дом смерть!

Он поднял руку, и я, сжавшись в комок, выпалила правду:

— Я хотела убить себя!

Магнар замер. Его рука с кинжалом зависла в воздухе. В комнате стало слышно только наше тяжелое, рваное дыхание.

— Что? — переспросил он хрипло.

— Себя... — всхлипнула я, глядя ему в глаза. — Я хотела убить себя, чтобы не достаться тебе, чтобы ты не мог издеваться надо мной. Я не убийца! Я просто не хотела быть сломанной куклой в твоих руках.

Он смотрел на меня долгие несколько секунд. В его взгляде что-то дрогнуло. Ненависть боролась с недоверием.

— Себя? — его голос превратился в зловещий шепот. — Ты думаешь, я слеп, Илина? Думаешь, я не видел, как ты металась в карете, пока мы ехали сюда?

Я застыла, перестав дышать. Он был рядом. Сидел в полумраке напротив меня весь этот долгий путь и наблюдал...

— Я видел, как ты сжимала этот кинжал под складками платья, — продолжал он, легко, почти нежно коснувшись лезвием клинка моей щеки. — Видел, как ты судорожно дергала створку окна, пытаясь выбросить его, пока моя магия не заставила тебя сдаться. Я наблюдал, как ты лихорадочно искала место в карете, чтобы спрятать эту железку, и как в итоге решила оставить ее при себе. Ты сознательно принесла этот клинок в мою крепость. Ты вошла с ним в мою спальню. И после этого ты смеешь лгать мне в лицо о самоубийстве?

— Нет... все не так...

Его лицо исказилось в гримасе. Он не верил ни одному моему слову.

— Ты ждала подходящего момента, — прошипел он, сильнее вдавливая меня в подушки. — Ты решила закончить то, что не удалось твоему отцу. Планировала вонзить сталь мне в горло, стоило мне лишь расслабиться.

— Нет! Я ничего не собиралась делать! — закричала я, но он уже не слушал.

— Теперь ты никуда от меня не денешься, — прошептал он и резким движением отшвырнул кинжал в дальний угол комнаты.

Раздался металлический звон. Но в голосе Магнара уже не было той слепой ярости, что прежде. Появилось что-то другое — темное, тягучее и пугающее.

— Магнар... — прошептала я.

— Молчи.

Он провел широкой ладонью по моей обнаженной коже, там, где было порвано платье: от ключицы к плечу. Его пальцы были грубыми, мозолистыми, но прикосновение оказалось неожиданно... нежным, почти ласковым, собственническим.

Я зажмурилась, ожидая боли, насилия, всхлипывая и дрожа всем телом.

И вдруг...

— А-а-агхр! — глухой, страшный рык Магнара заставил меня открыть глаза.

Одновременно с его криком мое плечо, там, где лежала его ладонь, обожгло жгучей болью, словно к коже приложили раскаленное клеймо. Я вскрикнула и попыталась вырваться.

Магнар отшатнулся от меня, словно ошпаренный. Он упал на пол рядом с кроватью, хватаясь за свое правое предплечье.

— Что... что ты сделала?! — прохрипел он.

Я, трясаясь от боли и шока, поспешно натянула на себя одеяло и отползла к изголовью кровати. Посмотрела на свое плечо, которое горело огнем, и застыла. На моей бледной коже, прямо там, где коснулся Магнар, проступал рисунок: черная вязь, живая, пульсирующая. Линии сплетались в четкий узор — дракон, свернувшийся в кольцо и кусающий себя за хвост.

Я перевела испуганный взгляд на Магнара. Он сидел на полу, тяжело дыша, и смотрел на свою руку. На его предплечье, среди старых шрамов, горела точно такая же черная метка. Парные знаки.

В комнате повисла тишина, еще более страшная, чем раньше.

— Метка... — выдохнул он, и в его голосе прозвучал суеверный ужас. — Метка истинности.

Он медленно поднял на меня взгляд. Теперь в его единственном глазу была не только ярость. Там были шок, потрясение и страх.

— Это ты сотворила? — прорычал он, пытаясь встать, но нога подвела его, и он с глухим стуком оперся о край кровати. — Что за магию ты применила, чернокнижница?! Отвечай!

— Я... я ничего не делала, — пролепетала я, прижимая ладонь к горячей метке. — У меня нет магии. Ты же знаешь. Ее выжгли дотла. Я пуста...

— Драконы не выбирают в истинные дочери предателей! — взревел он, ударив кулаком по матрасу так, что кровать подпрыгнула. — Это ложь! Морок!

Он дернулся ко мне, словно хотел стереть метку с моей кожи, содрать ее вместе с плотью. Его лицо исказилось в гримасе безумия. Но он замер на полпути. Его рука дрожала в дюйме от меня. Он не мог коснуться. Магия метки, древняя и могущественная, не давала ему причинить вред паре. А может... он сам не хотел этого?

Магнар зарычал — звук был полон бессильной ярости и боли. Он схватился за голову, словно пытаясь выдавить из нее осознание происходящего.

— Будь ты проклята... — прошипел он.

Он встал, резко развернулся, с помощью магии подхватил с пола свою трость и, тяжело, болезненно хромя, пошел к выходу. У самой двери остановился, не оборачиваясь, взмахнул рукой. Магия отозвалась мгновенно. Кинжал отца, лежащий в углу, и те ножи, что были на столе, взмыли в воздух и полетели к нему прямо в руку.

— Не надейся, что это что-то меняет, — бросил он через плечо. Голос его был ледяным, но я слышала в нем нотки растерянности. — Мы еще не закончили.

Он вышел, с силой хлопнув дверью. Замок снова щелкнул, запирая меня. Я осталась сидеть в темноте, прижимая руку к горячей метке, которая связала меня с моим злейшим

врагом узами, крепче любой цепи. Слезы снова потекли по щекам, и я уткнулась лицом в подушку, которая все еще хранила его запах, и горько, безутешно разрыдалась.

Судьба сыграла с нами самую жестокую шутку из всех возможных.

Магнар

Я шел по темным коридорам своего замка, тяжело опираясь на трость. Тук, ш-ш-шурх, тук, ш-ш-шурх – этот звук преследовал меня годами, став ритмом моей искалеченной жизни. Но сейчас я его почти не слышал. В ушах стоял гул собственной крови, а перед глазами, застилая обзор даже здоровому оку, — пелена багровой ярости. В одной руке я сжимал трость так, что черная кость жалобно скрипела, в другой — горсть кинжалов, которые я призвал магией из спальни и их металл охлаждал пальцы.

Холодил...

Я резко остановился, жадно втягивая воздух ноздрями. Сквозняки гуляли по замку, выстужая каменные стены, но... я чувствовал этот холод. Впервые за десять лет... чувствовал.

Мое тело, изуродованное проклятием, давно превратилось в кусок бесчувственного мяса. Я не воспринимал смены сезонов, не различал вкуса еды, не знал тепла женского тела. Тьма, живущая во мне, сожрала все чувства, оставив лишь постоянную, тупую, грызущую боль в костях.

Но сейчас... по голой груди пробежал озноб. А ниже живота скручивался тугой горячий узел желаний. Да, едва осязаемый, но он... был. К этой девчонке. К дочери моих врагов.

— Проклятье! — прорычал я.

Но отчетливее всего я испытывал жжение. Правое предплечье горело так, словно с меня заживо сдирали кожу. Я посмотрел на руку. В неровном свете факелов черная вязь дракона пульсировала, словно второе сердце. Она будто насмеялась надо мной. Истинность. С ней. С носителем «грязной крови».

На пути попала мраморная статуя какого-то древнего предка. Безупречный гордый профиль, надменный взгляд. Таким я должен был стать. Таким я был до того дня. Я взревел и со всей силы, на какую был способен, обрушил кулак на мраморное лицо. Удар. Еще удар. Камень с грохотом разлетелся на куски, осыпая пол белой крошкой. Голова статуи откололась и покатила к стене.

— Господин?.. — раздалась испуганные голоса.

На шум сбегались слуги и пара стражников. Они застыли в конце коридора, боясь подойти ближе. Я медленно повернул к ним голову.

Я стоял полуголый, без рубашки, покрытый шрамами и жуткими ожогами. На моем лице была ярость, а на руке — свежая черная метка, которую невозможно было не заметить. Они смотрели на нее. Глаза управляющего округлились, он побледнел, но не издал ни звука.

— Чего уставились?! — пророкотал я. Эхо моего голоса заставило их вжать головы в плечи. — Слушать приказ!

— Д-да, мой лорд...

— Девчонку... леди Илину... — имя царапнуло горло, — стеречь, глаз не спускать. Если с ее головы упадет хоть волос, казнь лично. И... принесите в ее покои зеркало.

Я перевел дыхание, чувствуя, как пульсирует метка, отзываясь на мысли о ней.

— Переведите ее в гостевые покои рядом с моими. Подготовьте комнату, чтобы там было тепло и чисто. И покормите. Она не должна голодать.

Слуги переглянулись.

— Мой лорд... — осторожно, дрожащим голосом спросил старый слуга. — Леди... остается?

Я посмотрел на него своим единственным золотым глазом так, что старик пошатнулся и едва не рухнул на колени. Вокруг меня сгустилась тьма, тени поползли по стенам, скалясь призрачными пастями.

— У тебя есть возражения? — тихо спросил я.

— Н-нет! Никак нет. Простите, господин. Все сделаем в наилучшем виде!

Они низко поклонились и бросились врассыпную, спеша исполнить приказ, лишь бы оказаться подальше от моего гнева.

Я развернулся и, тяжело ступая, пошел дальше, в свой кабинет.

Едва массивная дубовая дверь захлопнулась за моей спиной, отсекая меня от остального мира, я швырнул кинжалы на стол. Они со звоном врезались в столешницу, один из них — тот самый, черный с рунами, — вонзился в дерево по самую рукоять.

Я знал про эту семью все. Мои ищейки годами рыли землю, собирая по крупичкам информацию о роде, который меня уничтожил. Я знал, что после казни родителей их старшего сына бросили в темницу, где он и умер. Знал, что Илина и ее сестра Руана воспитывались в приюте. Знал, что там им было отнюдь не сладко — холодные койки, скудная еда, презрение окружающих.

Жалел ли я их? Ни на мгновение. Им было плохо? А мне? Мне было в разы хуже. Они лишились дома, а я — самого себя. Я стал гниющим заживо калеккой, пока они просто росли в тесноте. Старшая, Руана, практически сразу пошла по наклонной, продавая себя за сытую жизнь и шелка. Она была истинной дочерью своего отца — жадной и беспринципной. Давала ли она что-то младшей? Доподлинно я не знаю, но судя по той информации, которую мне добыли, нет. Можно было отомстить ей за себя, но судьба и так готовит ей очередное испытание. Ей хватит.

А Илина... Когда я забирал ее со свадьбы, мне было плевать на ее судьбу. Я хотел лишь одного: посмотреть в глаза младшей из рода Вермари. Хотел увидеть в них ту же черную бездну и жажду власти, что были у ее отца. Я ждал, что она проявит свою истинную натуру, что она такая же, как отец, как сестра...

И что я получил? Она клялась, что хотела убить себя. Лгунья. Принесла этот кинжал в мою спальню, прятала его в складках платья. Ни одна невинная дева не будет так отчаянно цепляться за сталь, если не планирует пустить ее в ход. Она ждала, когда я ослаблю хватку. Она такая же змея, как ее сестра, просто ее яд спрятан глубже, под слоем слез и напускной слабости.

Я ведь действительно не собирался ее трогать. Мой план был прост: напугать ее, сорвать печать своей магии, которая и так выпивала из меня жизнь, и отпустить. Я хотел использовать этот ритуал как последний шаг к собственной смерти. Я был готов погибнуть, лишь бы обрести покой. Она не была нужна мне как женщина — до ее появления я вообще забыл, что значит хотеть женщину.

Но теперь... Я взглянул на предплечье, рассматривая подарок или, скорее, насмешку судьбы. Дракон. Идеальный. Завершенный.

— Не может быть... — прошептал я. — Это морок. Темный ритуал. Неужели она все это спланировала заранее?

Я вскочил, опрокинув кресло, и рванул к книжным полкам. Пальцы лихорадочно скользили по корешкам, пока не наткнулись на толстый фолиант в переплете из драконьей кожи «Заветы Крови. Ритуалы и Узы». Швырнул книгу на стол, едва не сбив чернильницу, и начал яростно листать страницы. Пергамент шуршал, готовый порваться под моим напором.

Вот оно — «Истинная пара». Я вчитывался в древние строки, и с каждым словом внутри все холодело:

«...Метка возникает спонтанно при касании дракона к плоти истинной. Она есть отражение слияния душ. Ее невозможно смыть, выжечь или срезать. Ее невозможно подделать ни

одной известной магией, ибо она питается самой сутью дракона. Истинность — это дар богов, абсолют, который выше войн и крови...»

— Ложь! — с рыком захлопнул книгу и швырнул ее в стену. Фолиант глухо ударился и упал на пол.

Я тяжело опустился обратно в кресло, откинув голову назад. Потолок тонул в тенях. Это невозможно. Боги не могли дать мне ее. Это какая-то ошибка или изошренная ловушка. И мой дракон не мог признать в ней пару. Та, чьи родители превратили меня в калеку, не может быть моей судьбой!

Мой взгляд упал на черный кинжал, торчащий из стола. Я медленно вытащил его — тяжелый холодный металл, напитанный смертью. Какая занятная вещица. Личная вещь герцога Вермари. Скорее всего, это работа ее сестры. Руана. Вот в ком течет настоящая ядовитая кровь. Она могла спрятать клинок, могла надоумить младшую.

«Я хотела убить себя...» — ее слова всплыли в памяти, и внутри что-то болезненно сжалось. Метка на руке пульсировала горячими толчками, посылая волны гнева и... собственничества. Метка сейчас как нельзя лучше передавала эмоции моего дракона, зверя, которого я запер в себе десять лет назад.

— Лгунья, — прошептал я, вертя кинжал в пальцах.

Она бы не убила себя — кишка тонка. Этот клинок предназначался мне. Они планировали это. Руана планировала. А Илина, скорее всего, просто пешка, оружие в чужих руках.

Но почему тогда я не могу забыть, как задрожало ее тело под моими руками? Почему я помню запах ее кожи — мороз и роза, как самый волшебный цветок Оскурума, пробивающийся даже сквозь проклятие темной магии? Я ведь уже давно не ощущаю ни запахов, ни вкусов, а тут... ощутил, даже до проявления этой метки.

Тут я вспомнил, как смотрел на нее Саргон. Брат. Мой «любимый» король. Он пожирал ее глазами, хотел пополучить в свою коллекцию. И этот слизняк, ее жених, тоже хотел, пока не наложил в штаны от страха. Я криво усмехнулся, сжимая рукоять кинжала так, что руны впились в ладонь.

— Не получишь, брат, — тихо сказал я пустоте, — ни ты, ни кто другой.

Саргон... То, как он смотрел на меня в тронном зале, с брезгливостью и жалостью. Он вычеркнул меня из жизни, сослал на север, чтобы я не пугал придворных дам своим лицом. Он позволил мне гнить здесь в одиночестве, но он кое-что забыл. Забыл, кто десять лет назад закрыл его собой. Темное заклинание, пущенное отцом Илины, предназначалось ему, Саргону, тому, кто занял место отца на троне. Это он должен был стать гниющим заживо калекой.

Я прыгнул. Принял удар. Спас его. А что получил взамен? «Спасибо, брат, но твое лицо пугает двор. Твоя магия нестабильна. Поезжай на север, в Аэтерру. А мы будем присылать тебе золото». Он вычеркнул меня. Спрятал, как постыдную тайну. Позволил мне гнить здесь в одиночестве, пока сам наслаждался властью, пирами и женщинами.

И теперь он хотел забрать Илину, сделать ее своей фавориткой, «утешить» после ночи с монстром, забрать в свою коллекцию самых прекрасных дам королевства, наиграться и...

Ярость снова поднялась во мне, но теперь она была холодной, расчетливой. Илина не достанется ему. Теперь она связана со мной. И плевать я хотел на политику, на его желания и на то, что она дочь врага. Метка дает мне права, которых нет даже у короля.

Но сначала я должен убедиться. Я давно не верю в сказки про истинность. Я слишком искалечен для божественных подарков. Здесь точно кроется подвох. Если это темная магия, если они нашли способ имитировать связь, чтобы подобраться ко мне и добить, я должен это знать.

Я встал, опираясь на стол. Нога отозвалась привычной вспышкой боли, но я лишь скрипнул зубами. Подошел к дальней стене кабинета, где за неприметной панелью скрывался проход

в закрытую секцию библиотеки. Там хранились книги, конфискованные у мятежников, – гримуары черной магии, те самые, из-за которых казнили родителей Илины.

— Если есть способ подделать метку, — прошептал я, прикладывая ладонь к замку, требующему крови дракона, — он описан там.

Панель со щелчком отъехала в сторону, пахнуло пылью и древним злом. Я шагнул в темноту. Я найду правду. И если окажется, что Илина знала об этом, если она участвовала в обмане... я уничтожу ее, даже если метка будет жечь меня до костей.

А если нет... Эта мысль пугала меня больше всего, потому что если это правда, то мне придется признать, что единственное существо в мире, способное принять меня, — это та, кого я должен был отпустить.

Глава 4

Илина

Ревела я долго. Потеряла счет времени, так и лежала на огромной чужой кровати, уткнувшись в подушку, и без остановки лила слезы. Платье, порванное его рукой, жалко сбилось, оголяя плечо, но мне было все равно.

За массивной дверью слышались шорохи, приглушенные голоса, чья-то торопливая беготня, но звуки долетали словно сквозь толщу воды. Да и какое мне было дело до них? Меня все равно не выпустят. Если только отведут в темницу ждать своей участи.

На что я надеялась? Что смогу убить себя? Что гордо смогу вонзить кинжал, пропитанный черной магией, себе в сердце? Изначально понимала, что храбрости не хватит, но думала об этом до последнего. В итоге я жива, до сих пор не тронута и... с меткой истинности, которая связала меня с моим злейшим врагом.

Правое предплечье жгло так, словно под кожу залили расплавленный свинец. Я чувствовала эту вязь всем своим естеством, ощущала пульсацию чужой магии, смешивающейся с моей кровью, и не могла поверить, что это не дурной сон. Как? Почему? Почему именно я? Судьба и Драконы-Прародители не могли быть настолько жестоки. Связать меня узами истинности с тем, кто ненавидит меня просто за факт существования, с тем, кто поклялся уничтожить мой род до основания. Но метка не была поддельной, ведь на его руке был такой же знак.

Он обвинил меня в запретном колдовстве. Но... может, Магнар сам что-то сделал? Какой-то извращенный ритуал привязки, чтобы иметь больше прав на меня? Вряд ли. Я видела ужас в его глазах. Он был ошеломлен не меньше, а значит, это все реально.

Тук-тук. Тихий, осторожный стук прервал мои мысли и всхлипы. Дверь приоткрылась, и в щель просунулась седая голова. Это был дворецкий, пожилой худой мужчина с безупречной осанкой, но в глазах его плескался страх. Он старательно отводил взгляд от меня, делая вид, что пушистый ковер ему гораздо интереснее.

— Миледи... — тихо позвал он. — Мне приказано сопроводить вас в ваши покои.

Я села на кровати, все еще всхлипывая и судорожно натягивая простыню, чтобы прикрыть разорванный лиф и чернеющую метку на плече. Заплаканными, опухшими глазами я уставилась на слугу.

— Куда сопроводить? — прохрипела я. — В темницу?

— В покои, миледи, — терпеливо повторил он, все так же глядя в пол. — Его светлость приказал разместить вас в гостевой комнате. Не переживайте, здесь недалеко. Она соседняя.

Я замерла в замешательстве. Он не выгнал меня? Не приказал добить, как бракованную вещь? Не запер в подвале? Странно, но, скорее всего, просто решил вернуться к тому, что начал, позже. Такие, как Магнар, всегда доводят начатое до конца.

Осторожно, путаясь в тяжелых юбках, я сползла с кровати. Ноги дрожали, но я заставила себя выпрямиться. Придерживая ткань на груди, пошла за дворецким, надеясь, что хотя бы здесь, в этом мрачном замке, не будет толпы зевак в коридоре.

Коридор действительно был практически пуст, там стоял только страж в черных латах, неподвижный, как статуя. Он смотрел вверх моей головы, словно меня не существовало. А рядом жались к стене две служанки с низко опущенными головами: одна совсем пожилая, в строгом чепце, вторая молоденькая, чуть старше меня самой, с россыпью веснушек на носу.

Пошатываясь от слабости, я последовала за дворецким. Путь действительно оказался недолгим — соседняя дверь, видимо, чтобы Магнару не пришлось далеко ходить за своим трофеем, когда он решит... закончить начатое.

Дворецкий распахнул передо мной двери, и я замерла на пороге. Комната оказалась такой же огромной, как у дракона, но разительно отличалась от его мрачной берлоги. Здесь царили

светлые тона — кремовый, золотистый, нежно-голубой. Большая кровать под невесомым балдахинном манила уютom. Тяжелые бархатные портьеры на высоких окнах были надежно задернуты, отсекая ночную тьму и метель, бушующую снаружи. В камине весело трещал огонь, распространяя по комнате живое, ласковое тепло. Мои туфельки тут же утонули в пушистом ворсе ковра.

На небольшом круглом столике у кресла стоял поднос, на котором я увидела небольшую тарелку, накрытую серебряной крышкой, и графин с водой. При виде графина я вспыхнула, вспомнив, как разбила точно такой же в комнате дракона. Стало стыдно. А следом желудок скрутило спазмом — я не ела уже больше суток.

Дворецкий прошел вглубь комнаты, указывая рукой на неприметную дверь:

— Здесь гардеробная, миледи. — Он запнулся, понимая, что вешать мне туда нечего. — А там — ванная комната. Купальня наполнена, вода горячая. Все принадлежности на месте.

Он говорил четко, по делу, но с опаской, словно ожидал, что я сейчас начну швыряться мебелью или насыпать проклятия.

— Меня зовут Эймон, миледи. — Он поклонился. — А это Шевана и Лисси. Они помогут вам приготовиться ко сну.

Служанки сделали книксен. Шевана, та, что постарше, и Лисси, молоденькая, несмело улыбнулись мне. Я всматривалась в их лица, ожидая увидеть презрение или злорадство, привычное мне во дворце, но... ничего такого не было, только любопытство и сочувствие.

— Отдыхайте. — Эймон поклонился еще раз и бесшумно исчез за дверью.

— Позвольте, госпожа, — мягко произнесла Шевана, подходя ко мне.

Они помогли мне расшнуровать и снять остатки свадебного платья. Когда тяжелая, расшитая жемчугом ткань упала на пол, Шевана подняла ее и горестно вздохнула, осматривая разорванный лиф.

— Таковую красоту испортили... Варварство, — покачала она головой. — ШВЕИ у нас в замке нет, миледи. Но ничего, я сама заштопаю. Руки помнят.

— Я тоже умею шить, — тихо отозвалась я, оставшись в одной тонкой сорочке. — Могу помочь.

Шевана посмотрела на меня с доброй, грустной улыбкой.

— Охотно верю, дитя. Но вы — госпожа. Не пристало вам пальчики себе колоть, тем более в первую ночь в новом доме.

Я невольно сжала руки в кулаки. Мои пальцы давно исколоты — и иглами, и ножами на кухне, и осколками разбитой жизни. Но спорить не стала.

Лисси суетилась в ванной, и уже через несколько минут я погрузилась в горячую воду, пахнущую лавандой. И впервые за этот бесконечный день смогла выдохнуть. Тепло расслабляло мышцы, смывало пот, страх и прикосновения чужих рук.

— Миледи, вам есть во что переодеться? — спросила Шевана, заглядывая в ванную. — Вашу сорочку тоже нужно привести в порядок.

— Нет, — я покачала головой, чувствуя себя нищенкой. — Только то, в чем прибыла. Генерал... торопил.

Шевана неодобрительно цыкнула.

— Знаю я одно бытовое заклинание, мигom освежу белье. А пока... — Она замялась. — Я принесу вам простую ночную рубашку, от служанок. Уж извиняйте, чем богаты. Женщин у хозяина здесь никогда не было, платьев богатых отродясь не водилось.

— Спасибо, Шевана, — искренне улыбнулась я. — Простая будет в самый раз. Я не привыкла к роскоши.

— А завтра поищем какое-нибудь платье, перешьем, — пробормотала она уходя.

Лисси тоже поклонилась, сказала, что приготовит пока постель к ночи, и ушла, оставив меня одну.

Я откинулась на бортик ванны, устало выдохнула и на миг прикрыла глаза. Перед глазами всплывали образы прошедшего дня. Казалось бы, такой короткий промежуток времени, но в течение его моя жизнь уже дважды перевернулась с ног на голову. За этот день произошло больше событий, чем за все последние десять лет. Перед мысленным взором всплывали образы и эпизоды: свадьба, злорадные слуги и придворные, искаженное жаждой мести лицо Магнара, Руана со страшным предложением, кинжал, король с непристойными намеками, истинность...

Боги, вы снова решили испытать меня на прочность? Неужели я недостаточно страдала, если вы посылаете мне все новые и новые испытания? Перед глазами вновь вспыхнул образ Магнара, его тело, испещренное шрамами и зараженное черной, ядовитой магией. Я судорожно выдохнула и открыла глаза, отгоняя навязчивую картину.

Он обвинял во всех бедах родителей и меня, но я... я даже не знала до конца, какой магией они обладали и какую магию выжгли во мне. Я никогда ей не пользовалась, родители запрещали, говорили, что я еще слишком мала для нее, а я и не стремилась, боялась ее до дрожи в коленях. А вот Руане позволяли отрабатывать какие-то навыки вместе с ними. Но все равно крайней оказалась я.

Неудивительно, что женщин здесь не было. И дело не в шрамах и увечьях Магнара. Дело в его ледяной душе. Или он только со мной такой монстр? Нет, вряд ли с другими он мягче. Весь замок пропитан его одиночеством и злобой. Его бояться даже собственные слуги, боится весь город.

Я почти задремала, убаюканная теплом, когда Лисси робко позвала:

— Госпожа? Вода остывает. Пора выходить и поужинать.

Я сонно заморгала, кивнула и вылезла, вытерлась мягким полотенцем и надела принесенную Шеваной ночную сорочку из грубого хлопка, простую, длинную, на широких лямках, но чистую и пахнущую морозом. Видимо, сушилась она на улице. Таким же способом, каким мы в приюте сушили свои вещи зимой. И мне на самом деле нравился этот запах. Он был... из детства.

На столе ждал ужин – тушеное мясо с овощами, свежий хлеб и ломтик сыра. Для меня это был пир. Я ела жадно, с трудом сдерживаясь, чтобы не хватать куски руками, а пользоваться приборами, и подсознательно опасалась, что еду в любой момент могут отобрать, как это часто бывало в приюте.

Служанки тем временем бесшумно порхали по комнате: взбивали подушки, поправляли одеяло. Шевана уселась с моим платьем в кресло и вооружилась иголкой. Я замечала, как они то и дело бросали косые взгляды на мое правое предплечье, где чернела метка, но молчали, не задавали вопросов, чему я была несказанно рада. Да я и сама не знала, что сказать.

Когда с ужином было покончено, Лисси забрала поднос, пожелала мне доброй ночи и проворно выскользнула из комнаты. Шевана тоже поднялась, прихватывая с собой мой свадебный наряд.

— Платье принесу утром, миледи, — сказала она, сворачивая его в кулек, — или вечером, тут уж как получится. Слишком уж кропотливая работа. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Шевана. Не спешите с платьем, вряд ли я буду его здесь носить.

— Все равно негоже такую красоты выбрасывать, — качнула она головой. — Может, потом еще повод найдется.

— Да, может, — кивнула я и горько усмехнулась. Здесь? Повод? Если только мои похороны или проводы обратно во дворец. — Спасибо вам.

Дверь закрылась. Я осталась одна. Еще немного посидела, слушая убаюкивающий треск поленьев и прислушиваясь к шорохам в коридоре. Различала тяжелые шаги стражей, легкие Лисси и шаркающие Шеваны. Опасалась, что услышу стук трости. Но прошла минута, другая, третья, и шаги стихли совсем.

Немного погодя я легла в огромную мягкую кровать, мне казалось, что буду вздрагивать от каждого шороха и ждать прихода Магнара. Но усталость и сытость сделали свое дело. Я провалилась в темноту сна почти мгновенно. И почти так же мгновенно окунулась в настоящий кошмар...

Вокруг стояла непроглядная, удушливая тьма.

Я точно знала: сейчас должен быть день. Середина лета — то самое благословенное время года, когда жизнь бьет ключом. Но вокруг не было ни изумрудной травы, ни ласкового солнца, ни беззаботного щебета птиц. Смерть выпила все краски этого мира.

Я брела по выжженной, растрескавшейся земле. Под моими ногами сухо хрустел пепел, а остывающие угли крошились, припорошивая стоптанные туфельки черным снегом. Воздух был настолько горячим и густым от гари, что каждый вдох обжигал легкие, заставляя горло саднить. По сторонам возвышались обгоревшие остовы домов, пустые глазницы окон смотрели на меня с неммым укором. Черные скелеты деревьев тянули скрюченные ветви к небу, которое превратилось в сплошное полотно сажи.

Это была деревня, вернее уже пепелище, что всегда остается после визита драконов.

— Где ты?! — закричала я, но собственный голос показался мне жалким шепотом. Он мгновенно потонул в этой вязкой мгле, растворяясь и становясь частью безмолвия.

Я лихорадочно искала кого-то. Кого-то бесконечно важного. Я не помнила его имени, не знала, как он выглядит, но сердце буквально разрывалось от невыносимой тоски и страха за это существо. Я не понимала, человек это, зверь или кто-то иной, но одно знала твердо: я обязана найти его, вытащить из этой тьмы. Иначе он погибнет. А вместе с ним погибнет и моя душа.

Вдруг впереди, сквозь непроглядный туман, я увидела вспышки. Бой. Огромная тень дракона металась среди черных фигур магов. Ослепительные разряды заклинаний разрезали мглу, словно молнии. Дракон ревел, и в этом звуке было столько нечеловеческой муки, что мне захотелось закрыть уши и закричать самой. Его травили, забивали, как раненого зверя, и он отбивался из последних сил, нанося ответные удары.

Мой разум твердил: «Он виноват. Это драконы испепелили наш мир. Они уничтожали каждого, кто осмеливался дышать без их дозволения». Но сердце кричало об обратном — сейчас, в этот самый миг, этого дракона убивали ни за что. Жестоко. Подло.

Я рванулась вперед. Мне нужно было добежать, остановить это безумие, закрыть его собой. Я бежала, задыхаясь от дыма, но пространство будто издевалось надо мной. Земля под ногами превратилась в зыбучий песок. Сколько бы я ни переставляла ноги, как бы ни колотилось сердце, я оставалась на месте, запертая в одном бесконечном мгновении.

Внезапно сверху раздался еще один рев, такой мощный, что содрогнулись сами камни. Я вскинула голову и замерла, парализованная ужасом. С неба, разрывая тучи, на меня надвигалась стена живого, яростного огня. А в самом центре этого пламени летел он — другой дракон. Его чешуя отливала металлом, а глаза полыхали золотым безумием. В этот раз я не чувствовала жалости. Я знала: этот зверь не пощадит. Он сметет меня, испепелит, даже не заметив моей тени на своем пути.

Он пикировал прямо на меня, раскрывая пасть, полную раскаленной лавы. Я хотела бежать, хотела спрятаться, но тело окончательно отказалось подчиняться, превратившись в камень. Огненный вихрь был уже в нескольких метрах, я чувствовала, как закипает воздух вокруг. Я вскинула руки, закрывая лицо, сорвалась на последний, отчаянный крик и...

И проснулась. Резко села на кровати, жадно хватая ртом воздух. Сердце колотилось о ребра, словно пойманная в силки птица, а перед глазами все еще стояла огненная стена и ярост-

ный золотой взгляд из сна. Я огляделась, судорожно сжимая одеяло, пытаюсь осознать, где заканчивается кошмар и начинается реальность.

Память услужливо подкинула события прошедшего дня. Одно за другим. Я в Аэтерре. В замке Магнара дра'Кариона — проклятого генерала, изгнанного принца, который буквально вырвал меня из рук мужа и короля, потребовав себе в счет старых долгов.

Вокруг царила густая, вязкая тишина. Камин давно погас, осталась лишь горка серого пепла и едва тлеющие угольки. В комнате стало ощутимо прохладно. Я шумно выдохнула, поежилась и снова откинулась на подушки, вытирая липкую испарину со лба.

«Сон. Это просто сон...» — твердила я себе, как заклинание. Это очередной кошмар, преследующий меня уже десять лет, с той самой ночи, когда мир рухнул. В этих снах я всегда видела либо казнь родителей, либо гибнущих в огне людей, либо торжествующих драконов. Раньше я думала, что это просто эхо прошлого, плата за грехи моей крови. Но сегодняшний сон был слишком явным, почти осязаемым.

Магнар был тем самым огнем, тем драконом, что пикировал на меня с небес. Он сожжет меня дотла, если я останусь здесь, в его клетке, покорно ожидая своей участи. Но кого я искала в том пепле? Брата? Или отца? Наверное, кого-то из семьи, кого-то, кто мог бы защитить. И тот раненый дракон, сражавшийся с магами... я кожей чувствовала его боль. В том восстании многие получили увечья — и люди, и драконы. Многие тогда отправились к своим праотцам в чертоги вечности. Но я ни тогда, ни сейчас никому не желала зла. Даже драконам...

Невольно опустила взгляд на свою руку. Метка истинности, проявившаяся вчера, сейчас мягко пульсировала. Она больше не жгла, не причиняла той невыносимой, выламывающей кости боли. Теперь она едва заметно светилась нежным золотистым светом под кожей, даря странное, пугающее ощущение тепла и... завершенности. Никакого дискомфорта, только тихий шепот чужой силы в моих венах.

«Нет, мне нужно бежать отсюда, — подумала я, закрывая метку рукавом ночной сорочки. — Бежать, пока этот замок не стал моим склепом. Магнар не оставит меня в покое, пока не выжжет из меня все до последней капли, мстя за то, что сделали мои родители. Даже истинность ему не помешает — он ведь не верит в нее, считает обманом, ловушкой чернокнижников».

Но как бежать?

Я встала, подошла к окну и отдернула тяжелую штору. За стеклом едва брезжил рассвет. Метель утихла, но снег все еще падал крупными, ленивыми хлопьями, укрывая двор и лес бесконечным белым покрывалом. Замок Аэтерра стоял в глуши, зажатый между неприступными скалами. Вокруг — вековые деревья и стена непроходимого леса, где обитали твари пострашнее волков. Без лошади, без теплой одежды я погибну там за час.

Этот замок, наполовину вырубленный в скале, был первым оплотом драконов, прибывших в наш край для захвата земель. Говорили, его защищает магия самих Прародителей. Правда это или легенда, я не знала, но тропа к нему давно была забыта всеми, кроме королевских гонцов.

Спать больше не хотелось — нервы были на пределе. Я умылась ледяной водой из кувшина, стараясь смыть остатки липкого сна. Хотела накинуть плед, но заметила на спинке стула аккуратно сложенное платье, которое обещали принести служанки. Простое шерстяное платье коричневого цвета. Никаких корсетов и кружев, оно было теплым и пахло чистотой. Я быстро оделась, затянула потуже пояс, чувствуя, как плотная ткань защищает от сквозняков. Туфельки остались старые — другой обуви не дали.

Платье было великовато, то и дело норовило сползти с плеч, но в приюте мы привыкли донашивать вещи за старшими девочками. Подвернуть рукава, затянуть пояс — и ты готова к работе.

Подошла к двери, намереваясь проверить, стоит ли снаружи стража, и прислушаться, не слышно ли тяжелых шагов Магнара в коридоре. Но вдруг до меня донесся звук, которого в этой ледяной глуши быть не должно: ржание лошадей, громкое, требовательное, и резкий стук колес по замерзшей брусчатке внутреннего двора.

Я метнулась обратно к окну, прижимаясь лбом к холодному стеклу. Внизу, прямо у парадного входа, затянутого инеем, остановилась карета. Она не была черной и суровой, как экипажи Магнара. Эта карета сияла золотом и лазурью даже в серой мгле пасмурного утра. На дверце гордо красовался королевский герб — золотой дракон на фоне восходящего солнца. Королевская карета. Карета Саргона.

Сердце пропустило удар, а затем забилося с удвоенной силой. Посланник короля? Здесь? В такую рань?

Дверца открылась, и на свежавыпавший снег спрыгнул человек в ярко-красной ливрее. Неужели... это за мной? Саргон обещал, что не бросит меня. Обещал место при дворе. Неужели он решил, что время вышло, и приехал забрать свой трофей?

Я смотрела вниз, затаив дыхание, и почувствовала, как метка на руке внезапно вспыхнула ярче, словно предупреждая...

Глава 5

Я узнала посланника короля — это был лорд Вилмор, личный секретарь Его Величества. Он брезгливо отряхнул снег с рукава, что-то сказал кучеру, активно жестикулируя, и уже направился было к тяжелым дубовым дверям замка, но те распахнулись раньше, чем он успел постучать. На порог вышел Магнар. Казалось, я даже отсюда слышала характерный стук его трости.

Посланнику пришлось остановиться на полпути. Это была тонкая, жестокая игра власти: заставить личного секретаря короля ждать, пока опальный генерал медленно, волоча негнущую ногу, спустится по ступеням крыльца. Каждое движение Магнара было вызовом.

Даже отсюда я видела, как напряглась спина Вилмора. Генерал был без плаща, в одной лишь простой рубашке, распахнутой на груди, словно лютый северный мороз был для него не холоднее летнего бриза. Он опирался на трость, и его неподвижная фигура на фоне серых стен выражала абсолютную, скальную уверенность.

Я не слышала ни слова — ветер относил звуки в сторону леса. Прижалась щекой к стеклу, пытаюсь понять хоть что-то по губам, по жестам. Вилмор говорил быстро, нервно. Он размахивал руками, указывал то на карету, то на замок, то куда-то в сторону столицы. Я видела, как краснеет его лицо. Он явно требовал или угрожал. Магнар же стоял неподвижно, как утес, о который разбиваются волны. Он лишь изредка качал головой. Коротко. Отрицательно.

У меня внутри все похолодело. Лорд Вилмор начал кричать — я видела, как из его рта вырываются облачка пара, как кривятся губы. Он ткнул пальцем в грудь Магнару.

В следующую секунду Магнар сделал едва уловимое движение, и посланник отшатнулся, словно наткнулся на невидимую стену. Страх исказил его лицо. Он что-то бросил напоследок, резко развернулся, чуть ли не бегом кинулся к карете, прыгнул внутрь и захлопнул дверцу.

— Нет... — выдохнула я, чувствуя, как пол уходит из-под ног. — Нет! Не уезжайте!

Кучер хлестнул лошадей. Золотая карета дернулась и покатила прочь, вздымая снежную пыль.

— Не оставляйте меня здесь одну! — закричала я, ударив ладонью по стеклу, хотя знала, что меня никто не услышит.

Карета скрылась за поворотом аллеи. Ниточка к моему спасению оборвалась. Я понимала, зачем Саргон прислал за мной, — он хотел видеть меня своей фавориткой, очередной красивой игрушкой в золотой клетке дворца. Но сейчас это казалось меньшим из зол.

«Как только я увижу короля, упаду на колени, — лихорадочно думала я. — Не стану его любовницей. Я вымолю у него монастырь, самый дальний, самый бедный, лишь бы за его стенами меня не мог достать проклятый генерал».

И тут я почувствовала взгляд, тяжелый, физически ощутимый, и опустила глаза вниз. Магнар стоял посреди пустого двора и смотрел вверх, прямо на мое окно. Сквозь падающий снег я плохо видела выражения его лица, но чувствовала, как горит его единственный золотой глаз. И, что еще страшнее, метка на моем плече пульсировала жаром, отзываясь на его внимание. Он знал, что я смотрю. Знал, что я видела его триумф. И знал, что я хотела уехать отсюда.

Я вздрогнула и отпрянула от окна, задерживая штору трясущимися руками. Дыхание сбилось. Паника, липкая и холодная, начала затапливать сознание. Он выгнал посланника. Он отказал королю. Значит, я остаюсь здесь. В полной его власти.

Нужно что-то делать. Нужно... догнать карету! Мысль безумная, самоубийственная, но она была единственной. Если я сумею перехватить лорда Вилмора, упаду ему в ноги и попрошу его забрать меня! Ведь Магнар... Я видела этот огонь в его глазах. Сейчас он в шоке от появления метки истинности, она сбила его с толку, заставила сомневаться. Но это не продлится

долго. Как только он придет в себя, как только его ярость возьмет верх над недоумением, он вернется, чтобы забрать свое право первой ночи, и тогда я буду окончательно погублена.

Но как выйти? Я метнулась к двери, прижалась к ней ухом. Тяжелые шаги. Лязг доспехов. Стражник никуда не делся, он стоит прямо там. Через дверь не выйти. Огляделась — огромная комната, третий этаж. Высота смертельная. Взгляд упал на камин — слишком узкий. Затем на балконную дверь, находившуюся на стене, противоположной от окна, где я видела Магнара. Я подбежала к ней и дернула ручку. Не заперто! Видимо, Магнар решил, что в такую погоду и с такой высоты бежать глупо, и что я не осмелюсь на такой шаг.

Я выскочила на балкон. Ледяной ветер тут же швырнул мне в лицо горсть колючего снега. Перегнулась через перила. Внизу — каменные плиты двора. Прыгать нельзя.

Но... я присмотрелась. Справа, чуть ниже уровня моего балкона, проходил широкий каменный карниз, ведущий к угловой башне. А там, на стене башни, виднелась деревянная решетка для вьющегося плюща. Летом это, наверное, красиво. Сейчас же толстые, одревеневшие стебли растения, припорошенные снегом, выглядели надежной лестницей.

Это безумие. Я в скользких туфельках. Одно неверное движение — и разобьюсь. «Лучше разбиться, чем ждать ночи», — прошептал внутренний голос.

Я перелезла через перила. Ветер рвал подол платья. Пальцы, вцепившись в ледяной камень, мгновенно окоченели. Я шагнула на карниз. Он был скользким, присыпанным снегом, и мне пришлось прижаться к стене всем телом, чтобы сохранить равновесие. Холод камня проникал даже через ткань, но я все равно начала медленное движение в сторону башни. Шаг. Еще шаг. Нога соскользнула, сердце ухнуло в пятки, но я удержалась.

Добравшись до решетки с плющом, глянула вниз. Высоко. Очень высоко. Но стебли плюща были толстыми, плотными. Я ухватилась за них и начала спуск. Ветки царапали руки, снег сыпался за шиворот, таял и тек по спине ледяными ручейками.

Когда до земли оставалось метра три, нога сорвалась. Я не удержалась и полетела вниз, упала в глубокий сугроб у стены. Снег смягчил удар. Я барахталась в нем, глотая холодный воздух, но тут же вскочила. Жива. Цела. И я на свободе.

Огляделась. Двор был пуст. Магнар уже зашел внутрь. Стражи видно не было. Наверное, они охраняли периметр или грелись в замке, полагаясь на его магическую защиту.

Я пригнулась и побежала к конюшням, стараясь держаться в тени стен. Внутри конюшни пахло сеном и теплой кожей. Я проскользнула внутрь и замерла. В первых стойлах за высокими железными перегородками стояли они — архарские скакуны, чудовища во плоти, огромные, черные, как смоль, с мощными шеями и шипами на костяных наростах вдоль хребта. Один из них повернул ко мне голову. Его глаза горели алым адским огнем, а из пасти, полной острых, как бритва, зубов, вырвался клуб дыма. Он глухо зарычал, от этого звука у меня волосы встали дыбом. Самые быстрые и злобные твари во всей империи. К ним нельзя подходить, они разорвут любого, кроме хозяина. Стараясь не дышать, на цыпочках обошла их стойла стороной.

Дальше стояли обычные лошади — гнедые, крепкие, для слуг и хозяйственных нужд. Я выбрала ближайшую кобылу, которая смотрела на меня спокойным влажным взглядом.

— Тише, милая, тише, — прошептала я, дрожащими руками накидывая уздечку.

Я ездила верхом в детстве, отец учил меня. Руки помнили движения.

— Помоги мне. Пожалуйста.

Лошадь фыркнула и ткнулась теплым носом мне в плечо, словно кивнула.

Седлать было некогда, да и тяжелое седло я бы не подняла, так что я вывела ее из стойла, подтащила тюк с сеном, взобралась на него, перекинула ногу через спину животного и сжала бока лошади ногами.

— Вперед!

Мы вылетели из конюшни. Я все время оглядывалась на вход в замок, ожидая криков, магических стрел или появления черной фигуры с тростью. Но было тихо. Метель скрывала все.

Ворота замка были открыты — видимо, их не успели закрыть после отъезда посланника, или Магнар был настолько уверен, что я никуда не денусь из запертой комнаты.

Я направила лошадь по свежим следам кареты. Они были глубокими, колеи еще не успело замести.

— Быстрее! — крикнула, пригибаясь к шее лошади.

Я была в простом платье, тонких туфлях, без плаща и перчаток. Холод вцепился в меня мгновенно. Ветер пронизывал до костей, превращая пальцы в ледышки, а лицо — в застывшую маску. Но страх гнал меня вперед сильнее мороза. Я должна успеть. Утром опасные звери в лесу спят. Я догоню карету, объясню все и буду надеяться, что мне не откажут. Монастырь. Ссылка. Что угодно, только не эта черная крепость.

Мы въехали в лес. Деревья сомкнулись над головой темным шатром. Следы были видны еще какое-то время, но метель усиливалась с каждой минутой. Снег валил сплошной стеной — крупные, мокрые хлопья залепляли глаза и сбивали с толку.

Прошло, наверное, полчаса или час. Я не чувствовала рук, не чувствовала ног. Меня колотила такая дрожь, что я едва держалась на скользкой спине лошади. И вдруг я поняла, что следов больше нет. Передо мной расстилалось лишь белое нетронутое полотно снега.

Я натянула поводья. Лошадь остановилась, тяжело дыша и выпуская пар, ее бока вздымались.

— Нет... — прошептала я, оглядываясь. — Нет, нет, нет...

Вокруг только лес. Одинаковые черные стволы, одинаковые сугробы. Ни дороги, ни кареты, ни замка. Я заблудилась.

Ужас, чистый и первобытный, накрыл меня. Одна в зимнем лесу, замерзающая насмерть. Только сейчас в этой мертвой, ватной тишине заснеженного леса до меня начал доходить масштаб моей глупости. Каким же безрассудным шагом было решение бежать вот так — без подготовки, без теплой одежды, наобум в самую гущу леса, да еще в буран! Я действовала на инстинктах, как загнанный зверек, не подумав о том, что зимний лес гораздо опаснее любого замка и любого генерала. Магнар хотя бы давал мне крышу над головой и тепло, а лес... лес не знает пощады. Я сама по собственной воле загнала себя в смертельную ловушку. Я была одна, по-настоящему одна.

Лошадь заржала и встала на дыбы, едва не сбросив меня в сугроб. Справа, между истерзанными ветром стволами, мелькнула огромная серая тень. А затем в полумраке вспыхнули два желтых глаза, горящих холодным, мертвенным светом. Ворг.

Животный ужас хлестнул меня по нервам, выжигая холод.

— Но! Вперед! — закричала я, отчаянно ударяя пятками по бокам кобылы. — Беги!

Лошадь не нужно было просить дважды. Обезумев от запаха хищника, она рванула с места, вздымая тучи снега. Мы понеслись сквозь чащу, не разбирая дороги. Ветки хлестали меня по лицу, раздирая кожу, ледяной ветер выбивал слезы, но я не смела закрыть глаза.

Я прижалась к гриве, молясь всем богам, чтобы мы оторвались, чтобы эти твари отстали. Но они не отставали. Я слышала их тяжелое, хриплое дыхание за спиной, хруст снега и веток под мощными лапами. Они не просто бежали — они текли сквозь лес, как сама тьма, игнорируя сугробы и бурелом. Они были быстрее любой лошади, выносливее любого зверя. Наверное, только архарские скакуны могли их обогнать. Но я пыталась оторваться от зверей на простой кобыле...

Оглянулась через плечо, и сердце пропустило удар. Их было трое. Один, самый крупный, с седой полосой на холке, несся по моим следам, сокращая дистанцию с пугающей легкостью. Двое других скользили по бокам, мелькая среди деревьев серыми тенями.

Им даже не нужно было видеть нас в этой белой мгле. Я чувствовала это кожей — они охотились не глазами. Они чуяли тепло наших тел, ярким пятном горящее на фоне ледяного леса. Они пили мой страх, который шлейфом тянулся за нами и лишь распалаял их голод.

— Быстрее, милая, ну же! — говорила я, понимая, что лошадь уже выдыхается. Ее храп становился все тяжелее, а бег все более неровным.

Внезапно тень слева метнулась наперерез. Ворг выскочил из густого ельника прямо перед мордой лошади, щелкнув клыками в опасной близости от ее шеи. Лошадь шарахнулась в сторону, скользя по льду, и мы влетели на небольшую поляну, окруженную буреломом. Тупик.

Я дернула поводья, пытаясь развернуть кобылу, но было поздно. Тот, что гнал нас сзади, уже перекрыл выход. Третий мягко спрыгнул с поваленного дерева, замыкая круг. Они загнали нас, умно, слаженно, как настоящая стая убийц.

Лошадь билась в истерике, крутилась на месте, лягаясь и всхрапывая, но ворги лишь сужали кольцо. Они не спешили. Они знали, что добыче некуда деться. Их желтые глаза горели предвкушением, а из пастей, полных острых зубов, капала вязкая слюна, тут же застывающая на ветру. Лошадь, обезумев от страха, встала на дыбы и скинула меня в снег, и тут же умчалась в сторону леса. За ней отправились две твари, не отставая ни на шаг. А я... осталась одна.

Отползла к небольшому камню, понимая, что совершила фатальную ошибку. Я сама привела себя к смерти. Никакой монастырь, никакая свобода не стоили того, чтобы быть разорванной на куски в этом ледяном аду.

Вожак стаи, тот самый, с седой полосой, глухо зарычал. Вибрация этого звука прошла сквозь меня, парализуя волю. Он припал к земле, пружиня мощные мышцы задних лап. Я видела, как расширились его зрачки перед броском.

Все закончится сейчас.

Зверь издал короткий, торжествующий рык... и прыгнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.